

ПѢСНИ И СКАЗКИ

О ЖЕНИХѢ-МЕРТВЕЦѢ ИЛИ БРАТѢ-МЕРТВЕЦѢ.

(Этюдъ по сравнительному изученію народной поэзіи).

И. Сосновичъ.

I. Бюргеръ и его Ленора.

Поэтическій сюжетъ, изслѣдованіемъ котораго мы намѣрены заняться въ предстоящемъ очеркѣ, извѣстенъ въ нашей литературѣ уже давно. Въ первый разъ въ художественной обработкѣ онъ появился на страницахъ Вѣстника Европы за 1808 г.; журналъ, основанный Карамзинымъ, издавался теперь В. А. Жуковскимъ и въ немъ самъ издатель помѣстилъ одну изъ интереснѣйшихъ своихъ балладъ „Людмилу.“ Необыкновенной прелестью стиха и новизною своего романтическаго содержанія, якобы почерпнутаго изъ исторіи славянства, баллада эта произвела сильное впечатлѣніе на читающую публику, впечатлѣніе, сравниваемое Галаховымъ ¹⁾ съ тѣмъ, какое произвелъ Карамзинъ своей „Бѣдной Лизой.“ Людмила, говоритъ поэтъ, поджидая возвращенія своего возлюбленнаго изъ далекой стороны,

На распутіи вздыхала.

„Возвратится-ль онъ—мечтала—

¹⁾ А. Галаховъ, Исторія русской словесности. Спб. 1880, т. II. стр. 223.

Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ
Съ грозной ратію славянъ?.. ¹⁾

Съ полнымъ правомъ поэта авторъ „Людмила“ могъ отправить героя баллады на войну со „славянской ратію,“ не нарушая этимъ поэтической правды, т. е. повѣсть развиваетъ содержаніе обще-человѣческой жизни, захватываетъ отношенія повсюду одинаковыя, присущія всему человечеству, а не одной какой либо народности. Между тѣмъ „Людмила“ оказывается ничѣмъ инымъ, какъ передѣлкой нѣмецкой баллады, именно той, которую нѣсколько позднѣе, въ 1829 ²⁾ г., Жуковскій перевелъ съ большимъ искусствомъ и при томъ близко къ подлиннику и издалъ подъ ея настоящимъ именемъ „Ленора.“ Подлинникомъ для Жуковскаго послужила превосходная нѣмецкая баллада „*Lenore*“ ³⁾. Авторомъ этой знаменитой баллады былъ Готфридъ Августъ Бюргеръ, одинъ изъ первыхъ нѣмецкихъ писателей, взявшихъ за обработку балладъ и романсовъ. Родился онъ въ горахъ Гарца въ крестьянской семьѣ и этимъ обстоятельствомъ объясняется его раннее влеченіе къ сюжетамъ народной повѣи.

Живое воображеніе мальчика съ ранняго періода находило богатую пищу въ романтическихъ сказаніяхъ о рыцарскихъ замкахъ и чудныхъ преданіяхъ о горныхъ духахъ; на родинѣ онъ познакомился также съ живой народной пѣснью, которая на ряду съ библіей и старыми церковными гимнами уже рано подѣйствовала возбуждающимъ образомъ на воспріимчивую душу ребенка. Какъ въ Галлѣ, такъ и въ Іёттингенѣ, гдѣ молодой Бюргеръ проходилъ университетскій курсъ, онъ увлекался Оссіаномъ и Шекспиромъ и довольно продолжительное время его любимымъ занятіемъ было изученіе англійскихъ народныхъ балладъ, сдѣлавшихся доступными для него, благодаря сборнику *Percy*

¹⁾ Собраніе сочиненій В. Жуковскаго. Изд. 6, Спб. 1869 т. I, стр. 38.

²⁾ Ibid., т. II. стр. 380.

³⁾ G. A. Bürger's *Sämmtliche Schriften*. Göttingen 1817 Bd. I, стр. 68.

„*Reliques of Ancient english Poetry*“ (1723), а также и другому собранію *Old ballads, Evans edition* (1777), которое было ему извѣстно. Усвоивъ уже съ дѣтства любовь къ народной поэзіи и воспитавъ затѣмъ свое предрасположеніе къ такого рода произведеніямъ чтеніемъ восторженныхъ статей Гердера о безыскусственномъ творчествѣ, Бюргеръ съ большимъ успѣхомъ началъ обрабатывать народные сюжеты и почти одновременно выпустилъ въ свѣтъ двѣ баллады „*Raubgrafen*“ и „*Lenore*.“ Обѣ баллады написаны въ духѣ народной поэзіи и особенно послѣдняя доставила автору широкую европейскую популярность и извѣстность. Ленора обратила на себя всеобщее вниманіе, не только благодаря новизнѣ и оригинальности своего сюжета и высокого поэтического совершенства, достигнутаго Бюргеромъ въ ея обработкѣ, но также и тому обстоятельству, что содержаніемъ своимъ она входитъ въ кругъ сказаній, получившихъ огромное распространеніе среди всѣхъ европейскихъ народовъ.

Свою Ленору написалъ Бюргеръ въ 1773 году; первоначальную идею для нея онъ получилъ отъ народной пѣсни, случайно имъ слышанной; въ пѣснѣ этой его особенно поразили стихи

„Der mond der scheint so helle,
die toten reiten schnelle“

и потомъ слова разговора: „Graut liebchen auch vor toten? Wie sollte mir grauen? Ich bin ja bei dir.“ Этого было достаточно, чтобы дать тему для поэта, остальное онъ создалъ самъ и при томъ такъ мастерски, что А. В. Шлегель нашелъ возможнымъ сказать: „еслибъ Бюргеръ ничего больше не написалъ, то и это обезпечило бы для него безсмертіе“ ¹⁾. Поэтому неудивительно, что Ленора въ скоромъ времени послѣ своего появленія въ печати приобрѣла широкую популярность и сюжетъ, ею развиваемый, сдѣлался предметомъ научныхъ изысканій.

Содержаніе баллады настолько общеизвѣстно, что приводить его здѣсь не представляется никакой надобности и я огра-

¹⁾ A. W. von Schlegel. *Charakteristiken und Kritiken*, Königsberg 1801, II, 44.

ничусь указаніемъ лишь важнѣйшихъ моментовъ разсказа, на сколько это необходимо для пониманія дальнѣйшаго хода работы.

Возлюбленный Леноры ушелъ на войну, объ немъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, „а самъ онъ къ ней не пишетъ.“ Насталъ миръ, войска возвращаются назадъ, „всѣмъ радость, а Ленорѣ отчаянное горе:“ нѣтъ ея возлюбленнаго, и ничего никто объ немъ не знаетъ. Ленора тоскуетъ и плачетъ и ропщетъ на Бога, не слушая увѣщаній матери. И вотъ разъ ночью, когда она терзалась, волосы рвала, раздался конскій топотъ, подѣхалъ къ крыльцу всадникъ и постучалъ въ дверь. „Ждешь ли ты меня, или уже забыла,“ спрашиваетъ гость; но медлитъ некогда: „путь нашъ дологъ, мало срока, сто миль намъ до ночлега, собирайся по скорѣе.“ „А гдѣ-жъ твой домъ?“ говоритъ дѣвушка. „Онъ далеко... пять, шесть досокъ... прохладный, тихій, темный,“ отвѣчаетъ гость. Ленора вышла; вскочила на коня, прижалась къ своему возлюбленному, и они помчались. „Не страшно-ль тебѣ?“ спрашиваетъ онъ свою спутницу и продолжаетъ: „мѣсяцъ свѣтитъ намъ! Гладка дорога мертвецамъ,“ а мимо нихъ мелькали окрестныя поля, холмы, ряды кустовъ. „Мой конь, несиись быстрѣй, нѣтухъ кричитъ,“ говоритъ мертвецъ и вотъ они примчались къ воротамъ кладбища. Кругомъ однѣ могилы, конь прынулъ и исчезъ, а Ленора очутилась въ рукахъ скелета и полумертвая упала на землю.“

Таково содержаніе баллады въ главныхъ чертахъ. По сравненію съ другими, чисто народными варіантами того же сюжета здѣсь окажется недостаточно ясно очерченной причина, заставившая мертвеца встать изъ гроба и явиться за своей возлюбленной. Очевидно слезы Леноры принудили его покинуть свою могилу, хотя конецъ баллады даетъ возможность видѣть въ этомъ, какъ бы кару Бога за ропотъ Леноры на провидѣніе; но эта черта привнесена сюда поэтомъ и для сюжета она оказывается не важной, не существенной. Напротивъ того, если разложить самый разсказъ на составляющіе его основные мотивы, то таковыми окажутся во первыхъ *въра въ возможность возвращенія мертвыхъ на землю въ прежнемъ своемъ видѣ*, во вторыхъ *убѣжденіе что къ этому побуждаетъ мертвыхъ неутѣшная скорбь ихъ близ-*

литъ. Вотъ эти общія идеи и обусловили возникновеніе самаго сюжета Леноры; въ разбору ихъ мы и перейдемъ, остановившись предварительно на литературѣ вопроса о Ленорѣ.

2. Литература о Ленорѣ и сходныхъ съ нею сюжетахъ.

Вскорѣ послѣ своего появленія Ленора Бюргера обратила на себя вниманіе иноземныхъ критиковъ, изъ которыхъ первыми высказались англичане. Въ журналѣ *Monthly Magazine* за сентябрь 1796 года появилась замѣтка, въ которой указано, что въ англійской поэзіи существуетъ подобный же рассказъ „the Suffolk mirakle, or a relation of a young man, whe a month after his death appeared to his sweetheart, and carried her on horse back behind him for forty miles in two hours, and was never seen after but in his grave,“ т. е. чудесное происшествіе въ Суффолькѣ или рассказъ о молодомъ человѣкѣ, который черезъ мѣсяцъ послѣ смерти явился къ своей возлюбленной и увезъ ее, посадивъ на лошадь позади себя; въ два часа онъ сдѣлалъ болѣе сорока миль и послѣ того болѣе не появлялся изъ гроба,—и на основаніи этого факта англичане доказывали, будто Бюргеръ заимствовалъ сюжетъ для Леноры изъ англійской поэзіи. Этой замѣткой и начинается споръ о происхожденіи Леноры, споръ продолжающійся и до нашего времени, хотя за англійскій источникъ для нѣмецкой баллады теперь рѣдко кто уже стоитъ послѣ цѣлаго ряда основательныхъ разысканій источниковъ баллады. Въ числѣ такихъ сторонниковъ англійской теоріи упомянемъ Karl'a Bleibtreu¹⁾ все еще думающаго будто въ основѣ Леноры лежитъ англійская баллада „Sweet William's ghost.“

Замѣтка *Monthly Magazine* вызвала возраженіе неизвѣстнаго автора въ *Neue Berlinische Monatschrift* за 1799 годъ (II р. 389), который доказывалъ, что Бюргеръ взялъ сюжетъ для Леноры не изъ сборника англійскихъ балладъ, *Collection of*

¹⁾ К. Bleibtreu, Geschichte der englischen Litteratur in der Renaissance und Klassicität. Leipzig 1887. Bd. I, стр. 256.

old Ballads (London 1723), но изъ народныхъ нѣмецкихъ преданій, такъ какъ точно такой же сюжетъ распространенъ въ народѣ въ нижней Германіи, въ Мекленбургѣ и Ганноверѣ. За нѣмецкое происхожденіе баллады высказался и Вильгельмъ Гриммъ ¹⁾, указавъ при этомъ на подобный сюжетъ въ датской народной поэзіи, но всѣ эти доказательства не опирались пока на твердыя данныя, на матеріалы, собранные въ народѣ.

Интересно отмѣтить, что споръ между англійскимъ и нѣмецкимъ ученымъ изъ-за Леноры очень рано замѣченъ былъ въ славянскихъ земляхъ, гдѣ также оказался распространеннымъ въ народѣ сюжетъ, на которомъ построена баллада Бюргера. Именно нѣкто Ляхъ-Ширма помѣстилъ въ Варшавскомъ научномъ журналѣ за 1819 годъ статью „*Uwagi nad Balladą Bürgera, Leopola*“ ²⁾ а нѣсколько ранѣе передъ тѣмъ тотъ же Ляхъ-Ширма напечаталъ въ томъ же журналѣ (т. I, стр. 358—366) свою обширную балладу „*Kamilla i Leon*“, явившуюся подражаніемъ баллады „Ленора“. Подражаніе вышло черезчуръ растянутымъ и безцвѣтнымъ, но „*Uwagi*“ заслуживаютъ нашего вниманія, такъ какъ здѣсь впервые дѣло идетъ о славянскихъ вариантахъ сюжета Леноры. Указавъ на возникшій споръ между англійскими и нѣмецкими писателями о томъ, откуда Бюргеръ заимствовалъ сюжетъ для своей баллады, изъ старой-ли англійской повѣсти „*The Suffolk miracle*“ или же изъ собственнаго своего воображенія, работавшаго въ направленіи случайно слышанной народной пѣсни, Ляхъ-Ширма припоминаетъ, что въ дѣтствѣ ему приводилось слышать славянскія повѣствованія, сходныя по своему содержанію съ балладой Бюргера, а кромѣ того и другія лица, заслуживающія довѣрія говорили ему, что и они въ дѣтствѣ слышали такіе же рассказы; однако никто изъ нихъ не могъ въ порядѣ изложить содержанія слышанной въ дѣтствѣ повѣсти. „И только на дняхъ, говорить

¹⁾ W. Grimm. *Altdänische Heldenlieder, Balladen u. Märchen*. Heidelberg 1821, стр. 505.

²⁾ *Pamiętnik Naukowy*, służący za ciąg dalszy *Ćwiczeń naukowych*, oddział literatury. W Warszawie 1819, т. II, стр. 275—282.

Ширма, мнѣ удалось услышать эту повѣсть въ полности въ окрестностяхъ Ярославля въ землѣ Перемышльской“. Сообщаемый далѣе Ширмой малорусскій вариантъ не былъ принятъ позднѣйшими изслѣдователями къ сравненію и долгое время оставался забытымъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ, именно въ 1825 г. появился знаменитый сборникъ ново-греческихъ пѣсенъ, составленный Fauriel'емъ. Здѣсь ¹⁾ ученый издатель въ комментаріи къ одной ново-греческой пѣснѣ припоминаетъ сюжетъ Леноры и въ томъ же году нѣмецкій переводчикъ Форіэлевскаго сборника Вильгельмъ Мюллеръ въ газетѣ Morgenblatt (1825, N. N. 125, 126) помѣстилъ статью „Bürger's Lenore und ein neugriechisches Volkslied“, въ которой приводятся нѣкоторые англійскія баллады подходящаго содержанія и передается содержаніе ново-греческой пѣсни, „Ἡ νοκτερινὴ περπατησις“, при чемъ высказывается возможность возникновенія схожихъ по своему содержанію произведеній въ разныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, благодаря общности народныхъ представленій.

Такъ медленно и по немногу собирается матеріалъ для изученія сюжета Леноры. Въ 1835 году появляется крупная и важная работа по занимающему насъ вопросу, — это именно изслѣдованіе В. Вахкернагеля, напечатанное сперва въ Базелѣ какъ „Einladungsschrift zur Promotionsfeier des Pädagogiums und zur Eröffnung des Jahrescursum 1835 in Basel, затѣмъ перепечатанное въ Altdeutsche Blätter (1836, Bd. I, стр. 174 — 202) съ дополненіемъ одного изъ издателей журнала, Гофманна фонъ-Фаллерслебенъ подъ заглавіемъ: „Zur Erklärung und Beurtheilung von Bürgers Lenore“. Въ полномъ своемъ объемѣ работа эта съ дополненіями Гофманна помѣщена въ сборникѣ мелкихъ статей Вахкернагеля ²⁾. Здѣсь собрано значительное количество ва-

¹⁾ C. Fauriel, Chants populaires de la Grèce Moderne. Paris, 1825; t. II, стр. 405.

²⁾ W. Wackernagel, Kleinere Schriften. Leipzig, 1873, Bd. II, стр. 399—427.

ріантовъ нашего сюжета, но матеріалъ далеко не былъ еще исчерпанъ, хотя изученіе вопроса было поставлено серьезно и вѣрно. Дополненіемъ къ собраннымъ Ваккернагелемъ матеріаламъ явилась работа Heinrich'a Gröhle, Gottfried August Bürger. Sein Leben u. seine Dichtungen. Leipzig 1856, однако и здѣсь не все еще было собрано и указано, а славянскіе матеріалы и вовсе не были затронуты.

Долгое время послѣ этого вопросъ оставался безъ движенія, о немъ какъ бы забыли, хотя онъ далеко не былъ разъясненъ, пока наконецъ появилась въ 1882 г. небольшая статья г. Вольнера „*Der Lenorenstoff in der slavischen Volkspoesie* ¹⁾. Небольшая по объему она дополняла пробѣлы въ изслѣдованіяхъ предшествовавшихъ писателей, указавъ на важнѣйшіе варианты сюжета Леноры въ поэзіи славянскихъ народовъ. Работѣ этой суждено было снова оживить забытый былъ вопросъ о Ленорѣ, и на этотъ разъ онъ разсматривается совершенно съ иной стороны, англо-нѣмецкій споръ оставляется теперь безъ вниманія, центр тяжести переносится въ область славянскихъ и ново-греческихъ матеріаловъ, и вотъ установленіе взаимной связи между сербскими вариантами и ново-греческими и повело къ оживленному общему мнѣнію. Но тутъ слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ изслѣдованіи, появившемся въ это время независимо отъ поднятаго Вольнеромъ вопроса и преслѣдовавшемъ инныя цѣли. Я имѣю въ виду диссертацию P. Holzhausen'a, *Die Ballade und romanze von ihren ersten auftreten in der deutschen Kunstdichtung bis zu ihrer ausbildung durch Bürger*, опубликованную въ 1883 году ²⁾. Въ общемъ обзорѣ дѣятельности Бюргера авторъ вскользь затрогиваетъ и нашъ вопросъ, не прибавляя ничего новаго къ тому, что раньше было извѣстно, и не исчерпывая самаго вопроса.

На статью Вольнера первый обратилъ вниманіе молодой греческій ученый, состоящій maître de conférences въ École des

¹⁾ Въ Archiv für slav. Philologie 1882, Bb. VI. H. 2.

²⁾ Въ Zeischrift für deutsche Philologie. Halle, 1883, Bd. XV, Heft II (129—194) и Heft III (297—345).

hautes Études въ Парижѣ, Психарисъ, напечатать въ 1884 году свой очеркъ „*La ballade de Lénore en Grèce*“ ¹⁾. Думая поддержать взглядъ Вольнера, принявшаго сербскій вариантъ на основаніи мотива братней любви за первотипъ для ново-греческихъ изводовъ сюжета Леноры, Психарисъ выдвигаетъ на первый планъ такія черты сказанія, — какъ *мотивъ братней любви* и эпическое число *девять*, — предполагая, что черты эти характерны именно для южно-славянской пѣсни, съ которой онѣ и попали затѣмъ въ ново-греческую поэзію. Что же касается вообще перво-источника для славянскихъ и ново-греческихъ пѣсень разбираемаго круга, то его открываетъ Психарисъ въ малорусскихъ вариантахъ, какъ самыхъ несложныхъ и примитивныхъ, не подвигая однако этимъ рѣшеніе вопроса ни на шагъ впередъ.

Статьи Вольнера и Психариса вызвали энергичное возраженіе со стороны другого греческаго ученаго, Политиса, при чемъ нападеамъ подверглись въ особенности слабыя стороны въ работѣ Психариса. Свои взгляды Политисъ изложилъ въ статьѣ „Τὸ δημωτικὸν ἄσμα περὶ τοῦ νεκροῦ ἀδελφοῦ“, появившейся въ 1885 въ одномъ изъ Аѳинскихъ журналовъ ²⁾. Политисъ не захватываетъ всей области мотивовъ Леноры, а ограничивается лишь опроверженіемъ мнѣнія, будто ново-греческія пѣсни о мертвомъ братѣ явились отраженіемъ такихъ же пѣсень сербскихъ. Нельзя сказать, чтобы доводы его отличались большою убѣдительностью, а въ томъ пунктѣ, гдѣ онъ вводитъ пѣсни о мертвомъ братѣ въ циклъ Акритовскій, они прямо фантастичны. Тѣмъ не менѣе работа Политиса интересна, такъ какъ въ немъ собрано значительное количество ново-греческихъ вариантовъ.

Статья Вольнера вызвала появленіе легкаго очерка по вопросу о Ленорѣ на польскомъ языкѣ. Нѣкто Д-ръ Bigeleisen напечаталъ статью „*Two ludowe ballady A. Mickiewicza p. t. „Ucieczka*“, въ одномъ Варшавскомъ иллюстрированномъ жур-

¹⁾ Въ Revue de l'Histoire des Religions, t. IX, стр. 27 — 64. Paris, 1884.

²⁾ Въ Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος Ἐν Ἀθῆναις 1885, t. II, стр. 193—261.

налѣ для дамъ за 1885 годъ ¹⁾). Очеркъ живо написанъ, но научнаго интереса не представляетъ, такъ какъ преслѣдовалъ другія цѣли, будучи назначенъ для широкой публики.

Споръ, возникшій между Вольнеромъ и Психарисомъ съ одной стороны и Политисомъ съ другой, обратилъ на себя вниманіе и русскихъ ученыхъ, изъ которыхъ отозвались на него А. Н. Веселовскій и Г. Дестунисъ. Первый далъ въ 1885 году краткій отчетъ о работахъ Психариса и Политиса въ замѣтѣхъ „*Къ народнымъ мотивамъ баллады о Леноръ*“ ²⁾, при чемъ съ осторожностью отнесся къ гипотезѣ Психариса и съ сомнѣніемъ къ выводамъ Политиса, требуя болѣе широкой постановки вопроса; второй, разбирая всѣ три работы, Вольнера, Психариса и Политиса, напечаталъ въ 1886 г. болѣе обширное разсужденіе подъ заглавіемъ: „*Сказаніе о братѣ-мертвецѣ или женихъ-мертвецѣ*“ ³⁾. Дестунисъ отрицаетъ сродство пѣсенъ о братѣ-мертвецѣ съ поэмой о Дигенисѣ, но склоняется въ пользу исконной принадлежности этихъ пѣсенъ греческому народу. Самостоятельность и первобытность греческой быliny о братѣ-мертвецѣ усматриваетъ онъ въ томъ, что всѣ ново-греческіе варианты (числомъ 17) сложились по одной программѣ и слились, такъ сказать, своимъ внутреннимъ складомъ со всей остальной народной ново-греческой поэзіей. Чужой сюжетъ по его мнѣнію не могъ бы до такой степени превратиться въ свой собственный.

Такой краткой характеристикой всѣхъ указанныхъ работъ я ограничиваюсь здѣсь на томъ основаніи, что подробностей придется касаться впоследствии; но для полноты я долженъ указать еще на одну статью по нашему вопросу: *Cadicamo*, „*La leggenda di Garentina*“, появившійся въ журналѣ „*L'adolescenza*“ за 1884, т. II, 65. Журналъ этотъ выходилъ въ Калабріи въ Кориньяно и не смотря на всѣ усилія мнѣ не удалось достать его.

¹⁾ Въ *Świt*. Pismo tygodniowe illustrowane dla kobiet. Warszawa, 1885, т. II, N. N. 10—16.

²⁾ Въ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1885, Ноябрь, стр. 71—79.

³⁾ Въ Жур. Мин. Нар. Пр. за 1886, Мартъ, стр. 76—100.

Этимъ, на сколько мнѣ извѣстно, исчерпывается вся литература вопроса почти за сто лѣтъ, въ теченіе которыхъ ведется изученіе сюжета Леноры. Литература, какъ видимъ, довольно богата, матеріаловъ собрано вполне достаточно, но самый вопросъ остается до сихъ поръ спорнымъ и неразъясненнымъ. Всѣ вышеуказанные изслѣдователи занимались рассмотрѣніемъ вопроса по частямъ, главнымъ образомъ они собирали матеріалы, до извѣстной степени группировали ихъ и ни одинъ изъ нихъ не остановился на изученіи тѣхъ вѣрованій и понятій народныхъ, на почвѣ которыхъ возможно самое возникновеніе сюжета, легшаго въ основу баллады Ленора. Слабую попытку въ этомъ направленіи можно замѣтить лишь у Вагкернагеля, но онъ располагалъ недостаточнымъ матеріаломъ, а потому вопросъ и остался не разъясненнымъ и спорнымъ.

Въ настоящее время матеріала собрано такъ много, что въ немъ легко запутаться, если не внести сюда порядка и единства создавшей его мысли. Сырой матеріалъ народной поэзіи только тогда приметъ стройный видъ, только тогда сдѣлается для насъ понятнымъ, если мы оживимъ его тѣмъ духомъ, на почвѣ котораго онъ развился въ своихъ многообразныхъ формахъ, если мы отъ фактовъ народнаго творчества отвлечемъ тѣ общія идеи, которыя заправляли народной мыслью при сознаніи того или другаго памятника. Конечно, нельзя упускать изъ виду и возможности международнаго литературнаго общенія, имѣвшаго мѣсто въ области народнаго слова, но я не считаю возможнымъ приводить къ нему всѣ болѣе или менѣе схожія произведенія народнаго творчества, думая, что одинаковость міровоззрѣнія непременно приводитъ къ созданію схожихъ сюжетовъ, конечно, простыхъ и несложныхъ, гдѣ бы ни проявлялась творческая сила народа.

Поэтому въ своей работѣ я постараюсь опредѣлить прежде всего тѣ условія, при которыхъ мнѣ кажется возможнымъ возникновеніе самого сюжета нашего, затѣмъ укажу разныя формы его обработки, при чемъ будетъ обращено вниманіе на генетическую связь вариантовъ съ одной стороны и на возможность ихъ самостоятельнаго возникновенія съ другой.

3. Вѣра въ возвращеніе мертвыхъ.

De mortuis nil nisi bene.

Широкое сравнительное изученіе обычаевъ и словесныхъ произведеній, а также и тѣхъ вѣрованій, которыми обусловливалась когда-то обрядовая сторона жизни низшихъ слоевъ современныхъ культурныхъ обществъ, даетъ множество интересныхъ фактовъ, служащихъ ключемъ для уразумѣнія отдѣльныхъ явленій въ быту и поэзіи народной, не доступныхъ уже непосредственному пониманію современнаго человѣка. Къ числу такихъ явленій принадлежитъ, между прочимъ, и вѣра въ возможность возвращенія мертвыхъ, вѣра, еще до сихъ поръ распространенная въ народѣ почти повсемѣстно въ Европѣ и выражающаяся въ разныхъ обычаяхъ, смыслъ которыхъ иной разъ не понятенъ уже и самому народу.

По словамъ П. Чубинскаго ¹⁾ на югѣ Россіи народъ вѣрно вѣритъ въ хожденіе мертвецовъ и для устраненія этихъ посѣщеній принимаются разные мѣры: могилу ходящаго по ночамъ мертвеца обсыпаютъ макомъ, думая, что вставшій мертвецъ прежде всего долженъ подобрать весь макъ до одного зернышка, а пока онъ успѣетъ это сдѣлать, то запоютъ пѣтухи и мертвецъ долженъ уйти въ могилу; или же забиваютъ въ могилу осиновый колъ. Последнее средство употребляется также при погребеніи повѣсившихся, которымъ иной разъ кладутъ въ ротъ желѣзный гвоздь изъ бороны; безъ этихъ предосторожностей погребенный могъ бы надѣлать много вреда, такъ какъ онъ обладаетъ силою, позволяющею ему вставать изъ гроба ²⁾. Та же мысль скрывается, и въ обычаяхъ, по которому всякій проѣзжающій и проходящій считаетъ непремѣннымъ долгомъ бросить на могилу самоубійцы хотя чтонибудь, что попадется подъ руку: комокъ сѣна, вѣтку дерева, горсть земли и т. п. ³⁾, но самъ народъ уже не

¹⁾ П. Чубинскій, Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-русскій край. СПб. 1877; т. IV, стр. 712.

²⁾ Ibid. т. I, стр. 209.

³⁾ Ibid. т. IV, стр. 712

знаеть, для чего это дѣлается и отвѣчаетъ только: „такъ треба“. Между тѣмъ обычай этотъ оказывается распространеннымъ не только по всей Евронѣ, но и за ея предѣлами, и во множествѣ собранные Либрехтомъ ¹⁾ примѣры обнаруживаютъ, что въ основѣ его могло лежать двухъ родовъ побужденіе: съ одной стороны предметы, бросаемыя на могилу самоубійцы служили какъ бы жертвой ему, съ тѣмъ чтобы мертвецъ или его духъ не причинилъ какого либо зла прохожему, съ другой они являлись какъ бы матеріальнымъ препятствіемъ для его выхода изъ могилы, на которой, благодаря такому обычаю, всегда образовывался цѣлый холмъ. Точно также Усеови клали на голову и на ноги своихъ покойниковъ тяжелые камни, съ тѣмъ чтобы они не могли вернуться домой и беспокоить живыхъ ²⁾. Обычай бросать камни на могилу самоубійцы, съ тѣмъ чтобы помѣшать его выходу изъ могилы извѣстенъ и въ Швейцаріи ³⁾, и центральной Франціи ⁴⁾, и даже въ Сенегамбіи и въ южной Африкѣ ⁵⁾. Повѣріе, что самоубійцы не остаются въ покоѣ въ своей могилѣ, но выходятъ изъ нея, распространено по всей Германіи ⁶⁾ и связывается здѣсь съ вѣрой вообще въ возможность появленія мертвыхъ въ своемъ прежнемъ видѣ ⁷⁾. Тоже самое воззрѣніе встрѣчается и въ Англіи, гдѣ оно въ свое время раздѣлялось и высшимъ обществомъ и вызывало даже правительственныя распоряженія ⁸⁾. Чтобы помѣшать самоубійцѣ возвращаться на землю и тревожить живыхъ людей, англійскій законъ долгое время поступалъ съ ними какъ съ вам-

¹⁾ F. Liebrecht, zur Volkskunde. Heilbronn, 1879, стр. 274 и сл.

²⁾ Ibid. стр. 275.

³⁾ E. Rochholz, Schweizersagen aus dem Aargau. Aarau 1856, I, 70.

⁴⁾ Laisnel de la Salle, Croyances et Légendes du Centre de la France. Paris 1875, II, 75.

⁵⁾ Th. Waitz, Anthropologie der Naturvölker. II, 195.

⁶⁾ A. Wuttke, Der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart. Ber. 1869, II, стр. 444.

⁷⁾ Ibid. стр. 443.

⁸⁾ H. Gaidoz, Le Suicide въ Mélusine, 1888, т. IV, стр. 11.

пирами. Извѣстно, что вампирамъ забивали въ грудь осиновый колъ и это, по народному повѣрію, мѣшало имъ выходить изъ могилы и высасывать кровь у людей; точно также поступали и съ самоубійцами, причемъ хоронили ихъ съ позоромъ на распутии большой дороги, а имущество отбирали въ казну. Этотъ чисто варварскій обычай былъ отмѣненъ только закономъ 1824 года, но по всей вѣроятности продолжалъ практиковаться, такъ какъ закономъ 1882 года вторично запрещалось хоронить самоубійцу на распутии съ коломъ въ груди. Обычай прикрѣплять такимъ образомъ трупъ къ могилѣ не составляетъ особенности вѣрованій англійскаго народа, онъ былъ распространенъ повсюду въ Европѣ и между прочимъ о такомъ же обычаѣ упоминается въ одной ирландской легендѣ ¹⁾: „Злой король, Конхобаръ приказалъ похоронить порознь двухъ нѣжныхъ любовниковъ, чтобы разлучить ихъ даже послѣ смерти. Спустя нѣкоторое время открываютъ могилы, одна изъ нихъ пуста, за то въ другой находятъ оба трупа въ тѣсныхъ объятіяхъ; такимъ образомъ любовь оказалась сильнѣе смерти. Но ревнивый король приказываетъ снова похоронить любовниковъ порознь, а трупы ихъ пронзить осиновыми колами, чтобы они не могли вновь соединиться.“

По повѣрію турецкихъ сербовъ ²⁾ злые, не хорошіе люди и послѣ смерти не оставляютъ добрыхъ людей въ покоѣ: они ходятъ изъ дома въ домъ и дѣлаютъ всякому пакости. Объ этихъ людяхъ говорятъ, что они „*угробничились*“, т. е. сдѣлались вампирами, блуждающею душою. Но такое ограниченіе возможности посмертнаго блужданія только кругомъ недобрыхъ людей принадлежитъ собственно позднѣйшему времени, тогда какъ раньше она, несомнѣнно, распространялась на всѣхъ, что доказывается между прочимъ слѣдующимъ обычаемъ тѣхъ же сербовъ: „въ случаѣ смерти грудного ребенка родные родителей не оставляютъ ихъ спать дома въ ночь, слѣдующую за днемъ смерти ребенка. Вѣрятъ, что душа ребенка является домой, чтобы посо-

¹⁾ Gaidoz, Op. cit. стр. 11.

²⁾ И. Ястребовъ, Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ. СПб. 1886, стр. 466.

сать грудь матери“¹⁾). Подревнему и весьма распространенному вѣрованію души не только дѣтей, но всѣхъ вообще людей являються за пищей и имъ принадлежать крошки, падающія подѣ столѣ. Древніе греки говорили, что крошки эти принадлежатъ героямъ²⁾, древніе славяне предоставляли ихъ мертвымъ³⁾, тоже самое наблюдается у первобытныхъ народовъ⁴⁾ и отражается въ Тирольской поговоркѣ, употребляемой при наденіи крошекъ: „Arme Seelen garpet (raffet)—dass es der Tuifel nit dertappet“⁵⁾. На томъ же общемъ вѣрованіи основанъ и слѣдующій, превосходный рассказъ, записанный въ Черниговской губ. и помѣщенный въ сводѣ Драгоманова⁶⁾, подѣ заглавіемъ „Мертвецы на заговѣнахъ“ такого содержанія. „Росказовала тетушка: у нас на заговѣни у пост яе повечеряють, деѣ усе ідуть у другу хату або до сусіди, и все те, що останеться од вечері, оставляють мертвимъ покойникамъ: вони до пітухів прийдуть і тож заговіють. Я була мала, дурна, і забула, що треба після вечері йти куди небудь; залізла на піч да там і заснула, а про мене, ідучи, забули, оставили. Проснулась я, дивлюсь: каганець горить, в хаті тихо, і цвиркун не цвірене; на столі вечера стоїть,—хто не доїв кусочка, деѣ так усе і лежить. Тримтить на міні все од страху, і не придумую, що міні робить. Утекти?—даѣ боюсь. Що яѣ там у сінях хто небудь стоїть?

Присіла вже я, дожидаю, що буде дальше. Коли так через скілько хвилин одчинаються двері: дід наш покойний входить (вин недавно й помер: тоді років три міні було, деѣ він мене на руках носив же),—сивий і бородою заріс. Сів він на похуті. Коли

¹⁾ Ibid. стр. 463.

²⁾ Diog. Laërt. VIII, § 34.

³⁾ J. Hanusch, Die Wissenschaft des Slavischen Mythus. 1842, стр. 408.

⁴⁾ E. Tylor, La civilisation primitive. Paris 1878, II, 33—58. Trad. par Barbier.

⁵⁾ I. Zingerle, Sitten, Gebräuche und Meinungen des Tiroler Volkes. Innsbruck, 1871², N. 300.

⁶⁾ М. Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и рассказы. Кіевъ 1876, стр. 66.

далі входить дядько покойний,—повів очима кругом і сів біля діда; а далі, дивлюсь, сунеться Эвдоким, злодюжка був на все село, дає багато на ёму навішано різної різниці, і гроші в руках: все те, що він на сім світі наєрав. Тож сів мовчки біля. За ним Вакула Пархоменків, що торів повісився у єлуні, п'яничка був, так з мотузкою на шиї і ввійшов. Багато, повна хата їх найшла; тільки після всіх, дивлюсь, щось товпиться, да в дверях ніяк не пройде. Придивлююсь, аж то Трохим; він нам і родич їще був, да в нас соху колись і верав,—дає тепер, що не розгониться, та в дверях і застряє: з нею ніяк не пройде. Я дивилась, дивилась, не втерпіла (де ж, всі ідять, а ёму, може, нічого не останеться), да як крикну: „богом,“ кажу „Трохиме!“ Тільки що я се промовила, як не знає, де й ділось все: от просто, як на баганець дмухнуть да воно погасне, так і се,—я крузь землю прошло!

Так то вже міні тоді жаль було, що я їм і поісти не дала; лучше-б уже я була мовчала!“

Таких художественних рассказов про мертвецовъ, какъ только что приведенный малорусскій, миѣ не встрѣчалось нигдѣ больше, поэтому я и привелъ его цѣликомъ, но вообще мертвецы играютъ весьма видную роль въ произведеніяхъ народной поэзіи, и рассказы про нихъ можно встрѣтити почти въ каждомъ сборникѣ народныхъ сказокъ. Такъ Векекштетъ ¹⁾ собралъ богатый матеріалъ среди литовцевъ, живущихъ въ Ковенской губ. и у него встрѣчается множество рассказовъ про мертвыхъ, то подающихъ голосъ изъ могилъ, то являющихся къ своимъ роднымъ по разнымъ поводамъ: такъ умершая жена по ночамъ приходитъ къ своему мужу, другая является требовать пенки для своего ребенка, третья увлекаетъ въ могилу оставшагося въ живыхъ своего возлюбленнаго и т. п.; точно также и мертвецы то говорятъ изъ могилъ, то встають по ночамъ изъ гробовъ, одинъ приходитъ въ домъ къ женѣ, другой требуетъ рубашку,

¹⁾ Veckenstedt, Die Mythen, Sagen u. Legenden der Zä-maiten (Litauer). Heidelberg. 1883, I, стр. 254—272.

которую на кладбищѣ сняла съ него его-же вдова, желавшая похвастаться своею неустрашимостью. Такое множество рассказовъ о всевозможныхъ приключеніяхъ съ мертвыми свидѣтельству о глубоко вкоренившейся въ народѣ вѣрѣ въ возможность общенія живыхъ съ мертвыми, которые съ этой цѣлью и являютъ на землю въ прежнемъ своемъ видѣ. Нѣсколько иначе выражается та же вѣра среди жителей восточной Помераніи ¹⁾. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ нѣтъ своихъ кладбищъ, то покойниковъ хоронятъ на кладбищахъ другихъ деревень. И вотъ возвращаясь съ похоронъ, на границѣ своей деревни кладутъ немного соломы, съ тѣмъ чтобы на ней могъ отдохнуть мертвецъ, если ему вздумается возвращаться въ свой прежній домъ. У Лужицкихъ сербовъ также оказываются рассказы о томъ, какъ умершіе являлись своимъ близкимъ ²⁾: такъ погибшій отъ раны гдѣ-то въ походѣ рыцарь показывается женѣ, священникъ трижды приходитъ послѣ смерти къ сыну, требуя, чтобы тотъ исполнилъ прежнее свое обѣщаніе и не дѣлался въ приходѣ на мѣстникомъ отца и т. п. То же самое находимъ и въ рассказахъ чешскихъ и моравскихъ: то является по ночамъ къ своей возлюбленной „Umrlecъ“ ³⁾, то спустя нѣкоторое время послѣ своей смерти дѣвушка начинаетъ по ночамъ навѣщать своего жениха, заставляетъ его сохнуть и преждевременно низводитъ его въ могилу ⁴⁾, то наконецъ разобитый мертвецъ преслѣдуетъ своихъ обидчиковъ ⁵⁾. Въ послѣднемъ рассказѣ, озаглавленномъ „S mrtvýmí nepřítelůmъ žádný žertъ,“ говорится о томъ, какъ однажды мертвецъ всталъ изъ могилы, оставилъ свое одѣяніе лежать на кладбищѣ,

¹⁾ О. Knoор, Volkssagen, Erzählungen, Aberglauben... aus dem östlichen Hinterpommern. Posen, 1885, стр. 164.

²⁾ К. Haupt, Sagenbuch der Lausitz. Leipz. 1862, I, стр. 199—200 и 206;

³⁾ Národní písně, pohádky, pověsti etc., изданныя Литератур. Обществомъ „Slavia“, II, 2. Прага 1878,

⁴⁾ В. Kulda, Moravské národní pohádky, pověsti, obyčej a pověry. Praha 1875, II, стр. 237.

⁵⁾ В. Kulda, Op. cit. I, стр. 305.

а самъ отправился въ ближайшую деревню. Одинъ изъ двухъ церковныхъ сторожей взялъ это платье и припряталъ. Возвратившись, мертвецъ не нашелъ своего платья и началъ кричать глухимъ голосомъ: „kdo ty šaty vzal, at' jich nese semó.“ Не получивъ удовлетворенія, онъ бросился преслѣдовать сторожей, искавшихъ спасенія на колокольнѣ. Мертвецъ поднялся уже на третью лѣстницу, какъ вдругъ заплѣлъ пѣтухъ, и онъ упалъ. На утро его снова предали землѣ.

Въ русскихъ народныхъ сказкахъ мертвецы также играютъ значительную роль: нѣкоторыя изъ такихъ сказокъ близко напоминаютъ варианты западно-европейскіе, другія же напротивъ того отличаются оригинальностью. Между прочимъ у Аванасьева ¹⁾ встрѣчаемъ разсказъ о томъ, какъ дѣвупика снимаетъ саванъ или рубашку съ мертвеца и какъ тотъ приходитъ ночью требовать свои вещи обратно,—точь въ точь, какъ это мы видѣли въ одной моравской сказкѣ; другой разсказъ русскій оказывается еще болѣе распространеннымъ, содержаніе его приблизительно такое: „Въ стародавніе годы жили-были въ одной деревнѣ два молодыхъ парня; жили они дружно, вмѣстѣ по бесѣдамъ ходили, другъ друга за родного брата почитали. Сдѣлали они между собой такой уговоръ: кто изъ нихъ станетъ впередъ жениться, тому звать своего товарища на свадьбу; живъ-ли онъ будетъ, помретъ-ли, все равно. Черезъ годъ послѣ того заболѣлъ одинъ молодецъ и померъ; а спустя нѣсколько мѣсяцевъ задумалъ его товарищъ жениться.“ По дорогѣ къ невѣстѣ ему пришлось ѣхать мимо кладбища, онъ вспомнилъ объ уговорѣ съ другомъ, пошелъ на его могилу и сталъ звать пріятеля на свадьбу. Вдругъ могила растворилась, покойникъ всталъ и пригласилъ жениха къ себѣ выпить рюмку сладкаго вина. Женихъ спустился въ могилу, выпилъ рюмку—прошло сто лѣтъ, выпилъ другую—прошло двѣсти лѣтъ, выпилъ третью—прошло цѣлыхъ триста лѣтъ. Выйдя за-

¹⁾ А. Аванасьевъ, Народныя русскія сказки. Москва, 1861, вып. V, стр. 140—150; вып. VI, стр. 320—326; вып. VIII (М. 1863), стр. 392—396.

тѣмъ изъ могилы, онъ не нашелъ ни невѣсты, ни родныхъ, ни знакомыхъ; все кругомъ перемѣнилось, и лишь священникъ по церковнымъ книгамъ справился, что триста лѣтъ тому назадъ былъ такой случай: въ день свадьбы отправился женихъ на кладбище и пропалъ, а невѣста его вышла потомъ замужъ за другого.

Подобное содержаніе развивается въ одной датской сказкѣ ¹⁾: крестьянинъ на кладбищѣ находитъ черепъ, въ пьяномъ видѣ осмѣиваетъ мертвеца, которому принадлежалъ черепъ, и шуткой приглашаетъ его къ себѣ въ гости въ вечеръ Рождества Христова. Мертвый на самомъ дѣлѣ является, дѣлаетъ видъ, будто бы ѣсть, но въ дѣйствительности не трогаетъ предложенныхъ ему яствъ. Послѣ этого мертвецъ въ свою очередь приглашаетъ крестьянина къ себѣ въ гости и, когда тотъ явился, заставляетъ его считать, какъ часто мѣняетъ листья липа, растущая въ царствѣ мертвыхъ. Когда крестьянинъ насчиталъ 300 разъ, ему дается позволеніе вернуться назадъ, а между тѣмъ въ это время прошло цѣлыхъ триста лѣтъ. Такой же рассказъ извѣстенъ въ Босніи ²⁾, въ Венгріи ³⁾ и, по словамъ Р. Кёлера ⁴⁾, можно указать огромное количество сказокъ, въ которыхъ мертвецъ приходитъ въ гости къ живымъ или вслѣдствіе прежней дружбы или же побуждаемый желаніемъ мстить за обиду.

По нѣскольکو иному мотиву приходитъ мертвецъ на званый вечеръ въ одной исландской легендѣ ⁵⁾: „*Der tote als gast.*“ „Жилъ въ Англіи человекъ, говорится здѣсь, имѣвшій обыкновеніе каждый разъ въ день Рождества созывать къ себѣ на пиръ друзей своихъ и сосѣдей. Разъ въ виду приближавшагося праздника послалъ онъ вѣстника передать кому слѣдуетъ приглаше-

¹⁾ Jens Kamp, Danske folkeeventyr. Kjob. 1879, N. XVI, стр. 170.

²⁾ Въ журн. „Am Urds-Brunnen“, 1888. VI, 146.

³⁾ Fr. Müller, Siebenbürgische Sagen. Kronstadt. 2 Aufl. N. 74.

⁴⁾ Въ журн. „Am Ur-Quell“, 1890. IV, 72.

⁵⁾ Hugo Gering, Isländsk Aeventyri. Isländische Legenden, Novellen u. Märchen. Halle, 1884, II, стр. 97.

ніа; на возвратномъ пути вѣстникъ присѣлъ отдохнуть на кладбищѣ на какой то могилѣ и вставая сказалъ: „какъ бы желалъ я, чтобы Господь по своей милости дозволилъ мертвому, который здѣсь поконится, получить на пиру моего господина столько же радости и удовольствія, сколько я нашелъ на этой могилѣ.“ Сказавъ это, онъ ушелъ домой. Въ началѣ пира, когда всѣ уже занимали свои мѣста, вошелъ въ залъ незнакомый, блѣдный человекъ и сѣлъ вмѣстѣ съ другими за столъ; но онъ не ѣлъ и не пилъ, и не проявлялъ ни малѣйшаго признака радости въ противоположность другимъ гостямъ. Когда же обѣдъ кончился и начали произносить послѣобѣденную молитву, онъ сталъ веселѣе, но еще болѣе возрасла его радость, когда запѣли „*de profundis*.“ На вопросъ, кто онъ такой, онъ отвѣтилъ: „я тотъ мертвецъ, на могилѣ котораго отдыхалъ вѣстникъ господина, пожелавшій, чтобы я на пиру нашелъ столько же удовольствія, сколько онъ на моей могилѣ; но ни ѣда, ни напитки не доставили мнѣ радости, лишь когда вы запѣли благочестивыя молитвы, возрадовался я, какъ радуются всѣ христіанскія души.“

Возвращаясь къ сборнику Аѳанасьева, слѣдуетъ указать на рассказъ ¹⁾, въ которомъ сюжетъ о возвратѣ мертвеца разработанъ болѣе самостоятельно, чѣмъ въ раньше приведенныхъ сказкахъ: въ немъ мертваго не принимаетъ земля, такъ какъ падъ нимъ тяготѣетъ материнское провлятіе, и вотъ онъ является испросить черезъ брата прощеніе. Такая мотивировка выхода мертвеца на землю напоминаетъ превосходную сербскую пѣсню, гдѣ „дѣвичьи клятвы“ дѣлають тяжёлой землю для покойника. Пѣснь эта „Клетве ѣвојачке ²⁾“, такъ хороша, что я приведу ее цѣликомъ:

„Умре Конда једини у мајке,
Жао мајци Конду закопати,
Закопати далеко од двора,
Већ га песи у зелену башчу,

¹⁾ А. Аѳанасьевъ, Народныя русскія сказки М. 1861, вып. VI, стр. 324.

²⁾ Вук-Караџић, Народне српске пјесме. 1824, I (женске пјесме), стр. 101, II. 156.

Те га копа под жуту Деранчу,
 Свако га је јутро облазила:
 „Сине Конда, јел' ти земља тешка?
 Ил'су тешке даске јаворове?“
 Проговара Конда из земљице:
 Није мени, мајко, земља тешка,
 Нит'су тешке даске јаворове;
 Већ су тешке клетве ђевојачке:
 Кад издишу, до Бога се чује;
 Кад закуну, сва се земља тресе;
 Кад заплачу, и Богу је жао.“

По смыслу этой сербской пѣсни для покойника тяжелы не только проклятія, но также и слезы оставшихся въ живыхъ, способныя разжалобить самого Бога, и мы увидимъ въ послѣдствіи, что эта послѣдняя черта нашла себѣ явное выраженіе въ народной повѣсти, а теперь пока возвратимся нѣсколько назадъ.

Вѣра въ возвращеніе мертвыхъ, несомнѣнно, существовала у всѣхъ европейскихъ народовъ и, вѣроятно, въ большей или меньшей степени удержалась еще и до нашего времени, доказательствомъ чему служатъ пѣсни и сказки, записанныя въ народѣ. Одной изъ причинъ, побуждающихъ мертвыхъ вставать по ночамъ изъ могилъ, служить между прочимъ причиняемая имъ или ихъ роднымъ какая либо неправда или обида. На этомъ мотивѣ основано очень много разсказовъ, изъ нихъ мы приведемъ слѣдующую датскую пѣсню, извѣстную также въ Швеціи ¹⁾, это именно: „*Duax Gedebi*.“

„Разъ подъ вечеръ выѣхалъ я въ лѣсъ и пустилъ своего коня на траву, а самъ легъ на землю немного отдохнуть. Едва я началъ дремать, какъ явился ко мнѣ мертвецъ“ и сказалъ: „вотъ ты происходишь изъ моего рода, а потому тебѣ слѣдуетъ всту-

¹⁾ Rosa Warrens, *Dänische Volkslieder der Vorzeit*. Hamburg 1858, N. XXVIII, стр. 176 и W. Grimm, *Altdänische Heldenlieder...* Heidelb. 1811, стр. 296, N. 73. Подлинникъ этой пѣсни у Svend Grundtvig'a, *Danmarks Gamle Folkeviser*. Kjøbenhavn 1853, N. 91; подобная шведская пѣсня у Iwar Arwidsson, *Svenska Fornsänger*. Stockholm (1834—42), II, стр. 451.

питься за меня и отомстить за причиненную мнѣ обиду. Иди въ Гедеби, тамъ живутъ десять моихъ ровныхъ друзей; тамъ живутъ мой отецъ и мать, а также сестра и милый братъ; тамъ живетъ и Христель, моя красавица-жена, загубившая мою молодую жизнь. При помощи пяти своихъ женщинъ она задушила меня въ голу-быхъ перинахъ; затѣмъ положили онѣ меня въ вязанку сѣна и вы-несли на лугъ. Теперь мой любимый рабъ ѣздитъ на моемъ добромъ конѣ, ѣстъ моими серебряными ножами и цѣлуетъ мою красавицу жену; онъ сидитъ за моимъ столомъ и бранными сло-вами поноситъ моихъ дѣтей, даетъ имъ мало хлѣба и издѣвается надъ ними, зная, что отецъ ихъ мертвъ. Съ моими собаками ѣздитъ онъ въ лѣсъ и охотится тамъ за дикими звѣрями. И вотъ, гоняя ихъ взадъ и впередъ, онъ будитъ меня въ моей могилѣ и го-ре этому человѣку, если я приду къ нему въ домъ!“

Таже самая причина заставляетъ встать изъ могилы и Мор-тена изъ Фогельзанга въ пѣснѣ, равнымъ образомъ распростра-ненной въ бывшее время въ Даніи и Швеціи ¹⁾ и извѣстной подъ заглавіемъ: „*Мортенъ изъ Фогельзана*.“

„Вотъ выѣхалъ Мортенъ на зеленый лугъ и вдругъ около полудня почувалъ въ себѣ смертную болѣзнь. Отдалъ онъ въ церковь червоее золото, а монастырю своего коня, и съ пыш-ностью было предано землѣ тѣло Мортена. Но въ первую же ночь передъ полуночью сѣлъ онъ на коня и мертвымъ разѣзжалъ по Фогельзангу. Здѣсь встрѣтилъ онъ молодого Фольмерскаго стрѣлка и погнался за нимъ. „Послушай ты, молодой Фольмерскій стрѣлокъ, остановись и выслушай меня! Клянусь, что не при-чину тебѣ никакого зла.“ Черный ястребъ сидѣлъ у Мортена, черный песъ бѣжалъ за нимъ и черные слуги слѣдовали позади въ глубинѣ лѣса. „Послушай, Мортенъ, зачѣмъ ты ѣдишь взадъ и впередъ, когда мы лишь вчера только положили тебя

¹⁾ Talvj, Versuch einer geschichtlichen Charakteristik der Volkslieder germanischer Nationen. Leipz. 1840, стр. 235. Rosa Warrens, Op. cit. N. XXIX, стр. 179. Подлинная датская пѣсня у S. Grundtvig'a, Op. cit. N. 92 и шведская у I. Arwidson'a, Op. cit. II, стр. 106.

въ гробъ?“ „Я не могу лежать, я не смѣю покоиться, прежде чѣмъ приду въ Фогельзангъ и исправлю причиненную моимъ дѣтямъ неправду. Скажи моей женѣ, Меттѣ и скажи поскорѣе, пусть возвратитъ поле сиротамъ и тѣмъ успокоитъ мою душу. А чтобы она повѣрила тебѣ, скажи ей, пусть въ полночь пойдетъ въ мою комнату и тамъ она найдетъ мои ботинки, наполненные кровью.“ „Поѣзжай, Мортенъ, пусть покоятся твои уставшія кости; клянусь тебѣ, что поле будетъ возвращено сиротамъ.“ Спасибо гордой Меттѣ, она была вѣрной женой, возвратила поле сиротамъ и успокоила душу Мортена.

Огромной популярностью пользуется въ народной поэзіи мотивъ о томъ, какъ мать даже въ могилѣ слышитъ плачъ своихъ сиротъ, обижаемыхъ мачихой ¹⁾; желая защитить своихъ дѣтей, она встаетъ изъ гроба и является въ домъ грозной мстительницей, какъ это рисуетъ намъ пѣсня, извѣстная въ Даніи, Швеціи и Норвегіи,—*„Мать въ могилѣ“* ²⁾).

„Свендъ Дирингъ высваталъ себѣ прекрасную Сильберладу; печальна, нерадостна шла она за него; прошло восемь лѣтъ и было у нихъ восьмеро дѣтей, какъ страну ихъ посѣтила смерть и похитила Сильберладу. Тогда Свендъ Дирингъ взялъ себѣ въ жены гордую Блиде, оказавшуюся злой мачихой. Когда привели ее въ домъ Диринга и дѣти вышли съ привѣтомъ къ ней на встрѣ-

¹⁾ Нѣмецкая пѣсня „Waislen's Klage“, въ сборникѣ Meinert'a, *Alte deutsche Volkslieder*. Wien 1817, I, стр. 89; лужицкая—Haupta Smoler, *Pjesnički hornych a dolnych Lužiskich Serbow*. Grymi, 1841, I, стр. 135; чешская—Erben, *Pisně národní v Čechach*, I, 1; польская—Żegota Pauli, *Pieśni ludu ruskiego w Galicyi*. Lwów, 1840, I, стр. 75; малорусская ibid. II, 145; литовскія—Nesselmann, *Littauische Volkslieder*, Berl. 1853, NN. 69—72; эстонская—Neus N. 42.

²⁾ Talvj, *Versuch einer geschichtlichen Charakteristik der Volkslieder germanischer Nationen*. Leipz. 1840, стр. 237; Rosa Warrens, *Dänische Volkslieder der Vorzeit*. Hamb. 1858, N. XXX, стр. 183; W. Grimm, *Altdänische Heldenlieder*... Heidelb. 1811, стр. 147. Датская пѣсня въ подлинникѣ у S. Grundtvig'a, *Op. cit.* N. 89; шведская у Arwidsson *Op. cit.* N. 90; норвежская у M. Landstad, *Norske Folkeviser*. Christiania 1854, N. 62.

чу, она оттоленула ихъ ногой. Свендъ давалъ ей дорогіе подарки съ тѣмъ, чтобы она любила и кормила его дѣтей, а она клала ихъ на голую солому и морила голодомъ. Дѣтки плакали въ нуждѣ и горѣ, и это слышала гордая Сильберлада, хотя и была мертва. Одинъ плачетъ слезами, другой плачетъ кровью, а изъ могилы раздается голосъ матери: „въ полдень не могу придти въ вамъ, буду съ вами въ полночь.“ Въ субботу вечеромъ, когда всѣ души должны покоиться, Сильберлада испросила у Христа позволеніе навѣстить дѣтей и подняла изъ могилы свои усталыя кости; треснули стѣны и плита, съ большимъ трудомъ поднялась она и взяла на спину свой гробъ. Въ страхѣ завyli собаки, когда она пришла въ свой домъ, за воротами стояла ея старшая дѣвочка. „Зачѣмъ ты стоишь здѣсь, мое дитя, какъ поживаютъ твои братья и сестры?“ „Развѣ ты моя матушка, спрашиваетъ дѣвочка, но отчего же у тебя такія поблевшія щеки?“ Какъ-же мнѣ быть бѣлой, какъ же мнѣ быть розовой, когда я такъ долго лежала мертвой въ гробу?“ Войдя въ домъ, она нашла своихъ дѣтей въ слезахъ и горѣ; одному расчесываетъ кудри, другого беретъ на руки и нѣжно качаетъ, младшее дитя посадила себѣ на колѣни и жгучія слезы полились у ней изъ глазъ. „Скажи мнѣ, моя старшая дочь, говоритъ она, гдѣ отецъ вашъ, Свендъ Диригъ?“ „Онъ тамъ спитъ въ своей комнатѣ, онъ взялъ намъ недобрую мачиху.“ Своимъ гробомъ стучитъ Сильберлада въ дверь и говоритъ: „вставай Свендъ ипусти меня, твоя Блуде обижаетъ моихъ дѣтей, горе ей, если еще разъ я вернусь сюда, злая участь постигнетъ твою Блуде. Если собаки боязливо визжать, знайте, что это я прихожу; а теперь пѣть пѣтухъ, мнѣ пора въ могилу.“ Гордая Блуде образумилась послѣ этого и нѣжно ухаживала за дѣтьми.

Какъ побудительная причина, заставляющая приходить на землю мертвыхъ, рѣже встрѣчается заклинаніе, въ которому приобѣгаетъ мать въ одной шотландской балладѣ ¹⁾). Быть можетъ,

¹⁾ Walter Scott, The poetical works. Minstrelsy, III, стр. 258 (1833 г.); S. Child, The english and scottish popular Ballads, III, стр. 238 (1885).

черта эта свидѣтельствуеъ о литературномъ происхожденіи самой баллады, напоминающей и другими своими подробностями одно средневѣковое еврейское сказаніе ¹⁾). Шотландская баллада носить названіе „*The Wife of Usher's Well*“ и содержаніе ея таково:

Въ Usher's Well жила женщина, она была богата и имѣла трехъ сыновей, статныхъ молодцовъ, которыхъ она отправила въ море. Не прошло еще и недѣли, какъ они покинули свою мать, едва одна только прошла недѣля, какъ вдругъ дошло до нея извѣстіе, что всѣ ея три сына погибли, и она ихъ никогда больше не увидитъ. „О, да не прекратится вѣтеръ, пусть не утихнетъ волненіе на водахъ до тѣхъ поръ, пока не вернутся ко мнѣ мои сыновья цѣлы и невредимы!“ Дѣло было около дня св. Мартина, когда ночи длинны и темны, и вотъ всѣ три сына женщины пришли домой. Шляпы ихъ были украшены цвѣтами, которыхъ нельзя найти нигдѣ на землѣ, они растутъ лишь у вратъ рая. „Разведите огонь, служанки, принесите воды изъ колодца, у меня въ домѣ сегодня ночью будетъ пиръ по случаю благополучнаго возвращенія моихъ сыновей.“ Она приготовила для нихъ широкую постель, а сама, завернувшись въ свой плащъ, сѣла рядомъ... Но вотъ пропѣлъ красный пѣтухъ, ему вторить и сѣрый, тогда старшій братъ говоритъ младшимъ: „намъ пора уходить.“ Едва успѣлъ пѣтухъ пропѣть одинъ разъ и взмахнуть крыльями, какъ младшій повторяетъ старшему: „братъ, намъ пора уходить! Уже поетъ пѣтухъ и занимается день; насъ могутъ хватиться и мы за это сильно поплатимся. Прощай, дорогая матушка, прощай нашъ родной домъ и дворъ, прощай и ты, добрая дѣвушка, которая разводишь огонь въ очагѣ нашей матери.“

Вальтеръ Скоттъ предполагаетъ ²⁾), что сказаніе, по которому души, попавшія въ рай, украшаются гирляндами цвѣтовъ, еврейскаго происхожденія и указываетъ на слѣдующій рассказъ изъ „*Maase-book*.“

¹⁾ Sewish Traditions, abridged from Buxtorf. London 1732, в. II, р. 19.

²⁾ Op. cit. стр. 258.

„Одинъ прѣстарѣлый еврей по имени Понимъ, на обязанности котораго лежало погребеніе умершихъ, подходя однажды къ шеолѣ (синагогѣ), увидѣлъ мертвеца съ гирляндой цвѣтовъ на головѣ, стоявшаго въ дверяхъ. Раввинъ Понимъ испугался, думая, что это, привидѣніе. Вдругъ мертвецъ обратился къ нему, говоря: „не бойся, подойди поближе, развѣ ты меня не знаешь?“ Тогда Понимъ спросилъ его: „не тотъ ли ты, кого я вчера похоронилъ?“ „Да, это я самый,“ отвѣчалъ мертвецъ. „Зачѣмъ ты сюда пришелъ, какъ ты поживаешь на томъ свѣтѣ?“ снова спросилъ его Понимъ. „Мнѣ отлично живется, я пользуюсь высокимъ уваженіемъ въ раю,“ сказалъ мертвецъ. „Однако среди насъ, возразилъ Понимъ, ты считался самымъ незначительнымъ евреемъ; за какіе же заслуги тебѣ нынѣ оказываютъ почетъ?“ „Заслуга моя въ томъ, что я всегда усердно творилъ молитву, а если ты все еще сомнѣваешься, точно-ли это я, то смотри, вотъ дыра на моемъ рукавѣ, которую ты вчера сдѣлалъ, одѣвая меня въ смертный покровъ.“ Тогда раввинъ Понимъ спросилъ, что означаетъ гирлянда цвѣтовъ на его головѣ. „Я ношу ее, сказалъ мертвецъ, чтобы земный вѣтеръ не касался меня; она состоитъ изъ дивныхъ райскихъ цвѣтовъ.“ Послѣ этого Понимъ починилъ рукавъ мертвецу, и тотъ исчезъ, сказавъ, что не слѣдуетъ хоронить въ покровахъ съ какимъ либо изъяномъ.

Среди англійскихъ балладъ можно найти еще нѣсколько, развивающихъ сюжетъ о возвращеніи мертвеца и служащихъ доказательствомъ, что въ обществѣ господствовало въ свое время убѣжденіе въ возможность появленія мертвыхъ или ихъ духа и такое убѣжденіе находило свое выраженіе въ литературѣ. Всѣ вообще англійскія и шотландскія баллады носятъ на себѣ черты литературной обработки, но съ особенной яркостью сказывается это въ балладѣ „*Fair Margaret and Sweet William*“ ¹⁾ и затѣмъ въ балладѣ

¹⁾ J. Child, The english and scottish popular ballads. Boston, 1885, III, стр. 199 и Th. Percy, Reliques of Ancient english poetry. London 1845, стр. 225.

„Margaret's Ghost“ ¹⁾. По словамъ Чайльда ²⁾ въ послѣдней балладѣ мы имѣемъ дѣло со старинной пѣснью, цитуемой Флетчеромъ въ его „Knight of the Burning Pestle“ (1611); четверостишіе, встрѣчающееся у Флетчера подало поводъ къ ея созданію, и вотъ въ 1724 г. она вышла изъ подъ пера Давида Маллета съ такимъ содержаніемъ:

„Въ тихій часъ передъ разсвѣтомъ блѣдная тѣнь Маргариты явилась къ спящему Уильяму. Еще недавно она была молода, прекрасна и полна жизни, какъ весеннее утро, какъ распускающаяся роза. Но несчастная любовь подкосила ее и свела въ преждевременную могилу. „Проснись, сказала она, я пришла изъ своей могилы и теперь хотя изъ жалости выслушая ту, которую ты не пожелалъ спасти своею любовью. Въ этотъ мрачный и глухой часъ, когда открываются могилы и мертвые приходятъ нарушать покой измѣнниковъ, вспомни, Уильямъ, свои нарушенные клятвы и возврати мнѣ мои невинныя обѣщанія и данный тебѣ залогъ моей любви. Зачѣмъ обѣщался ты любить меня, зачѣмъ любовался моею красотой, зачѣмъ старался овладѣть моимъ сердцемъ? Все это погбло, о зачѣмъ я повѣрила тебѣ! Теперь голодный червь мой единственный товарищъ среди холодной, мрачной ночи, въ которой мы живемъ. Но, чу! поетъ пѣтухъ, я говорю тебѣ послѣднее прости; вставай измѣнникъ, посмотри, гдѣ покойтся та, которая умерла изъ любви къ тебѣ.“ Блѣдный, дрожащій всталъ Уильямъ и пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ была похоронена Маргарита. Онъ упалъ на ея могилу, рыдалъ и звалъ ее по имени, пока и его не постигла тутъ же смерть.“

Въ такой литературной обработкѣ находимъ мы старые рассказы о возвращеніи мертвецовъ. Позднѣйшее время, очевидно, наложило свою печать на подобныя повѣствованія и замѣнило приходъ мертвеца въ прежнемъ своемъ видѣ появленіемъ его духа. Въ болѣе примитивной формѣ таже тема разрабатывается

¹⁾ Percy, Op. cit. стр. 276.

²⁾ Child, Op. cit. III, стр. 199.

въ голландскихъ сказкахъ, изъ которыхъ мы приведемъ двѣ, слѣдующія ¹⁾: „*Die wiederkehrende Geliebte*“ и „*Todte Frau verwahrt das Haus.*“ Въ первой разсказывается про одну дѣвицу, имѣвшую при жизни двухъ любовниковъ. Послѣ смерти она снова явилась въ своемъ домѣ, привлекла прежнихъ своихъ друзей и, какъ бы испытывая ихъ любовь, заставила идти ночью на кладбище: одинъ изъ нихъ долженъ былъ лечь въ открытую могилу, другой, не знавшій объ этомъ, долженъ былъ стать на колѣни передъ могилой. Съ испугу послѣдній падаетъ въ могилу на перваго, а утромъ оказалось, что любовники лежали мертвыми въ могилѣ другъ на другѣ, а сверху надъ ними лежала мертвая дѣвушка и крѣпко держала ихъ въ своихъ рукахъ. Содержаніе второго разсказа, записаннаго также по устной передачѣ приблизительно таково:

„Былъ моръ, болѣли люди и домашній скотъ. У крестьянина вдовца заболѣли дитя и корова. Желая сходить на поклоненіе образу Пресвятой Дѣвы Маріи, крестьянинъ находился въ затрудненіи: ребенка онъ могъ взять на руки съ собою, но не на кого было оставить корову. „Ахъ, Боже, говоритъ крестьянинъ, если бы жива была моя жена, я легко могъ бы сходить помолиться Пресвятой Дѣвѣ.“ И вотъ пришла его умершая жена и сказала, что Пресвятая Дѣва услышала его слова и позволила ей возвратиться, чтобы присматривать за ребенкомъ и коровой, въ то время, пока онъ будетъ въ отсутствіи для исполненія своего обѣта. Послѣ этого событія благосостояніе крестьянина стало быстро расти и онъ сдѣлался богатымъ человѣкомъ.“

Подобные разсказы про возвращеніе мертвецовъ встрѣчаются въ наше еще время въ самыхъ просвѣщенныхъ странахъ, какъ напр. во Франціи ²⁾, а въ средніе вѣка они пользовались всеобщимъ довѣріемъ и съ полнымъ основаніемъ можно думать,

¹⁾ I. W. Wolf, *Niederländische Sagen*. Leipzig, 1843, стр. 510 и 273.

²⁾ *Revue des traditions populaires*. 1887, t. II, стр. 267; *Mé-lusine*, III, стр. 75 (1886—87).

что весьма многія изъ распространенныхъ нынѣ въ народѣ сказокъ ¹⁾, особенно демоническаго содержанія, обязаны своимъ возникновеніемъ суевѣрнымъ средневѣковымъ представленіямъ о мірѣ и мировыхъ явленіяхъ. Самые просвѣщенные люди въ XIV и XV столѣтіяхъ и даже позднѣе не были чужды всяческихъ предразсудковъ и часто съ ученою важною распространяли въ обществѣ разныя несообразности, противныя здравому смыслу ²⁾. Что касается въ частности разсказовъ про мертвецовъ, то одинъ изъ таковыхъ встрѣчается уже въ XII вѣкѣ у англійскаго писателя *Marpe* ³⁾, сообщающаго, какъ одинъ крестьянинъ въ Валлисѣ, спустя четыре дня послѣ своей смерти, по ночамъ выходилъ изъ могилы, звалъ по имени своихъ односельчанъ и тѣ умирали на третій день послѣ этого. Вѣра въ возможность возвращенія мертвецовъ проходитъ чрезъ всѣ средніе вѣка и была такъ прочно усвоена, что даже такія лица какъ Лютеръ и Меланхтонъ вполне раздѣляли ее. Меланхтонъ свидѣтельствуешь, что слышалъ отъ людей достовѣрныхъ и правдивыхъ объ одной дѣвицѣ, которая жила въ Болоньи и тамъ умерла, но по смерти своей цѣлые два года пребывала въ обществѣ людей, бывала въ гостяхъ, только мало ѣла ⁴⁾. Лютеръ въ своихъ „*Zastolnykhъ рѣчахъ*“ приводитъ разсказъ о томъ, какъ умершая жена возвращается къ своему мужу и просить его не браниться по обыкновенію, въ противномъ случаѣ ей придется снова умереть ⁵⁾. Вѣра подобнымъ явленіямъ, средневѣковые писатели

¹⁾ Podbereski, *Materyjały do Demonologii Ludu ukraińskiego* въ *Zbiór wiadomości do Antropologii krajowej*. T. IV (1880) стр. 3—83; Н. Сумцовъ, Культурныя переживанія въ Киевской Старинѣ, 1890, Январь стр. 60—90.

²⁾ Къ числу древнѣйшихъ и богатѣйшихъ источниковъ всевозможныхъ разсказовъ принадлежатъ сочиненія: Gervasius von Tilbury (XIII ст.), *Otia Imperialia*, Hannover 1856; Thomas Cantimpratenensis (XIII ст.), *Bonum universale de apibus*, 1627; M. Del Rio, *Disquisitiones Magicae*, Colon 1657; I. Sprenger, *Malleus maleficarum*, 1489 и много другихъ сочиненій.

³⁾ F. Liebrecht, *zur Volkskunde*, 1879, стр. 34.

⁴⁾ О. Буслаевъ, *Мои досуги*, М. 1886, II, стр. 31.

⁵⁾ F. Liebrecht, *Op. cit.* стр. 59.

и ученые объясняли ихъ вмѣшательствомъ нечистой силы, охотно передавали такіе разсказы, осложняя ихъ разными классическими и странствующими сюжетами, затемняя первоначальную народную основу вѣры въ возможность прихода мертвыхъ. Вѣрованіе такое, какъ мы видѣли, болѣе или менѣе нашло свое выраженіе повсемѣстно и вытекало изъ первобытнаго воззрѣнія на смерть и душу. Такъ древніе греки и италійцы полагали, что душа послѣ смерти человѣка оставалась вблизи своего прежняго жилища и продолжала жить подъ землею, не разставаясь съ тѣломъ ¹⁾. Мертвый, по мнѣнію древнихъ, и въ могилѣ способенъ чувствовать радость или страданіе, онъ сохраняетъ и тамъ свои прежнія привычки, потребности и связь съ міромъ живыхъ, отсюда—обычай класть въ могилу разныя вещи и произносить при погребеніи благопожеланія усопшему, какъ напр. „*sit tibi terra levis*,“ — „да не бременитъ тебя земля своимъ гнетомъ.“ На этомъ вѣрованіи основанъ культъ родичей, общій какъ всѣмъ арійскимъ племенамъ ²⁾, такъ и вообще первобытнымъ народамъ ³⁾, въ силу котораго умершіе предки могли приходить на помощь своимъ роднымъ и близкимъ и въ тоже время могли становиться къ нимъ и во враждебное положеніе. Подобное воззрѣніе на мертвыхъ существовало и у славянъ, и у германцевъ; хотя оно и видоизмѣнилось въ послѣдствіи подъ вліяніемъ христіанства ⁴⁾, тѣмъ не менѣе слѣды его довольно ясно сказываются еще и теперь въ жизни европейскихъ народовъ. Такъ въ восточной Пруссіи вѣрятъ еще и теперь, что душа умершаго остается въ домѣ до самаго погребенія; поэтому возлѣ трупа

¹⁾ Фюстель де-Куланжъ, Гражданская община античнаго міра. Москва 1867, стр. 10.

²⁾ A. Maury, Histoire des Religions de la Grèce antique. Paris 1857, I, стр. 170.

³⁾ E. Tylor, La civilisation primitive. Traduit par Barbier. Paris 1878, II, стр. 147 и сл.

⁴⁾ I. Lippert, Christenthum, Volksglaube und Volksbrauch. Berlin 1882, стр. 383 и сл.

ставятъ стулъ, съ тѣмъ чтобы душа могла занять здѣсь мѣсто ¹⁾. Она сознаетъ все, совершающееся возлѣ нея и поступаетъ на подобіе людей, продолжая жить, какъ бы невидимымъ человѣкомъ ²⁾. Такое вѣрованіе распространено по всей Германіи и сохранилось среди чеховъ, поляковъ и литовцевъ, а также и русскихъ ³⁾, являясь остаткомъ нѣкогда господствовавшаго культа родичей, души которыхъ по первоначальному представленію оставались жить у домашняго очага, покровительствуя роду. Съ теченіемъ времени приобрѣтаетъ господство нѣсколько иной взглядъ на посмертное пребываніе души среди живыхъ; оно оказывается нежелательнымъ и даже вреднымъ для людей, въ виду чего изобрѣтаются разныя мѣры съ цѣлю воспрепятствовать душѣ оставаться въ прежнемъ своемъ домѣ, или возвращаться въ него. Съ этою цѣлю въ сѣверной и средней Германіи въ слѣдъ за выносомъ покойника принято подметать избу ⁴⁾; въ Бранденбургѣ и Вестфалии за дверь въ слѣдъ за покойникомъ выливаютъ ушатъ воды ⁵⁾, съ тѣмъ чтобы покойникъ не могъ перейти ее въ случаѣ, если ему вздумается вернуться.

Обычай такой распространенъ повсемѣстно въ Германіи и о существованіи его есть упоминаніе уже изъ XI столѣтія ⁶⁾. Тоже самое встрѣчаемъ почти во всѣхъ странахъ Европы, Азии и у первобытныхъ народовъ. Такъ обрядъ погребенія въ Конго совершается такимъ образомъ: „*Les funerailles commencent par le sacrifice de quelques poules, du sang desquelles on arrose le dehors de la maison. Ensuite on jette le cadavre par dessus le toit, pour empêcher que l'ame du mort ne fasse le zombi, c'est à dire*

¹⁾ T o r p e n, Aberglaube aus Masuren 1867². стр. 111.

²⁾ G r o h m a n n, Aberglaube u. Gebräuche aus Böhmen u. Mähren. 1864, I, стр. 193.

³⁾ В. Д а л ь, Пословицы русскаго народа М. 1879², II. стр. 566.

⁴⁾ W u t t k e, Op. cit. § 725.

⁵⁾ K u h n, Märkische Sagen стр. 267; K u h n, Westphälische Sagen, II, стр. 49.

⁶⁾ I. Lippert, Christenthum, Volksglaube u. Volksbrauch. В. 1882, стр. 387.

qu'elle ne revienne troubler les habitans par des apparitions, car on est persuadé que celui qui verrait l'âme d'un mort tomberait mort lui-même sur le champ ¹⁾. “Среди словаковъ существуетъ такое же повѣрье: если не желаешь, чтобы мертвый пугалъ тебя, то потяни его за палецъ правой ноги, когда онъ лежитъ еще дома; а чтобы онъ пересталъ ходить по дому, *облей домъ по угламъ отваромъ чернойбылы*; покойнику положи въ гробъ то, что ему было самого дорогого въ жизни, чтобы онъ не пришелъ за этимъ по смерти ²⁾. Можно бы привести еще множество подобныхъ указаній, свидѣтельствующихъ, что желаніе удержать мертвыхъ отъ посѣщенія живыхъ создало у разныхъ народовъ много пріемовъ, иной разъ совпадающихъ у самыхъ отдаленныхъ племенъ, и неопровержимо доказывающихъ, что вѣра въ возможность общенія между міромъ живыхъ и міромъ мертвыхъ идетъ изъ глубокой древности, вытекающая изъ міросозерцанія, обусловлимаемаго извѣстнымъ культурнымъ развитіемъ. Въ позднѣйшемъ враждебномъ отношеніи къ мертвымъ, наблюдаемомъ въ европейскихъ странахъ, повидимому, слѣдуетъ усматривать возобладавшее господство частнаго представленія о возвращеніи мертвецовъ въ видѣ вампировъ, волкодлаковъ или оборотней: вѣрованіе это существовало уже въ Халдѣе и Вавилонѣ ³⁾, было извѣстно классическимъ народамъ ⁴⁾ и получило огромное распространеніе въ Европѣ ⁵⁾. Оно долж-

¹⁾ Migne, Nouvelle Encyclop. Theol. vol. 37 col. 612; Liebrecht, Op. cit. стр. 372.

²⁾ P. Dobšínský, Prostonárodní obyčaje, poverý a hry slovenské. Turč sv. Martin 1880, стр. 113.

³⁾ Fr. Lenormant, La Magie chez les Chaldéens. Paris 1874, стр. 35.

⁴⁾ Извѣстенъ рассказъ Phlegon'a (De mirabilis c. 1), послужившій основой для баллады Гёте „Die Braut von Corinth;“ даже у Plin. Epist. VII, 27, 5—11; Lucian. Philops, 30 и c. 27; Herod. VI, 69.

⁵⁾ Πολίτης, Αί περί βρυκολάκων προλήψεις παρά τῷ λαῷ τῆς Ἑλλάδος въ жур. Ἰλιούς за 1870; B. Schmidt, Das Volksleben der Neugriechen. L. 1871, стр. 157—171, Coote, Il Vampirismo in Bretagna въ Archivio delle Tradizioni popolari, IV, стр. 85 (1885).

жно было перенести страхъ передъ оборотнями вообще на всѣхъ мертвыхъ и нарушить ту сердечную связь, которая должна была существовать въ силу человѣческой психики и религіозныхъ воззрѣній и связывать живыхъ съ усопшими, дѣлая явленіе послѣднихъ желательнымъ. Такое теплое отношеніе къ мертвымъ и вытекающее отсюда искреннее желаніе видѣть возвратъ мертвеца проявляется напр. въ великорусскихъ причитаніяхъ, сохранившихъ черты глубокой древности. Оплакивая смерть сына, несчастная мать утѣшаетъ себя мыслью, что мертвый можетъ еще вернуться, а потому она и приглашаетъ его въ гости въ слѣдующемъ трогательномъ плачѣ ¹⁾:

.Ты послушай-ко рожено еще дитятко,
Ты приди въ гости къ кручинной головушкѣ;
Не утай, скажи, красно мое на золотѣ,
Мнѣ съ которой ждать тебя сторонушки?
На кою глядѣть путь широку дороженьку?
По утрышку-ль — во роздомье, во чисто поле?
Аль въ полдень мнѣ глядѣть на сине море?
Аль по вечеру побѣдной на зеленой лугъ?
Аль по закатъ глядѣть краснаго мнѣ солнушка,
Въ подь эту подвосточную сторонушку,
Аль ко этой Божьей церкви посвященной?
Приди появись сердечно мило дитятко,
Хоть къ крылечу приди добрымъ молодцомъ,
Хоть незнамой калекой переходей,
Хоть купцомъ приди Московскимъ;
Не убоюсь — выду, тепла моя пазушка,
Отопру бѣдна горюша дверь дубовую;
Тебя стричу на прогульной славной улицѣ,
Подхвачу тѣя подь правую подь рученьку,
Проведу тебя въ хоромное строеньицо,
Съ тобой сдѣю тутъ доброе здоровьицо,
Прижимать буду къ ретливому сердечушку,
Глядѣть впрямь буду во бѣло твое личушко,
Глядѣть вточь буду во ясны твои очюшки,
Посажу тебя во честной во большой уголъ,

¹⁾ Е. Барсовъ, Причитанья сѣвернаго края. Москва, 1872, I, стр. 103 и сл.

Я поддерну тебѣ столики дубовыи,
Угощу тебя сердечно мило дитятко.

Точно также дочь, оплакивая на „муравчатой могилушеѣ“ смерть матери, ласкаетъ себя надеждой пробудить ее отъ вѣчнаго сна, говоря ¹⁾):

„Мнѣ припасть было, побѣднушкѣ,
Тутъ ко матушкѣ сырой землѣ,
Побудить да все покликати
Мнѣ родительско желаньицо.
Ужъ повійте, вѣтры буйные,
Раскатите бѣлы камешки,
Разступись-ко мать сыра земля,
Покажись бѣла колодушка,
Порасшейтесь бѣлы саваны!“

Дѣвушка просить, чтобы Ангелы-Архангелы налетѣли съ небесъ, смахнули туманъ со ясныхъ очей, вложили душу въ бѣлую грудь и оживили усопшую, которую дочь теперь и приглашаетъ къ себѣ въ гости:

„Ты пожалуй, моя матушка,
Къ горегорькой сиротиночкѣ.
Ко позяблой сѣмяниночкѣ
Во любимое гостибище“.

Невѣстой дѣвушка идетъ на могилу матери, просить тамъ ея честнаго благословенія и затѣмъ рисуетъ картину, что вотъ въ домъ приходитъ

„Изъ подъ матушки сырой земли ²⁾
Съ подъ гробницы сырорубовой
Съ честнымъ благословленьемъ,
Со сердечнымъ надѣленьемъ“...

ея родная мать, которую дѣвушка и благодарить.

¹⁾ Ibid. стр. 70—73.

²⁾ Ibid. стр. 74—77.

По изображенію тѣхъ же причитаній покойникъ можетъ навѣщать родныхъ, принимая разные образы ¹⁾:

„Появись — приди надежная головушка,
Хотя съ чиста поля явись яснымъ соколомъ,
Со темныхъ лѣсовъ явись сизымъ голубемъ,
Хоть съ глубокихъ озеръ сѣрой утушкой“...

хотя потомъ надежда видѣть усопшаго и разрушается сомнѣніемъ:

„Видно, вѣкъ тое въ свѣтѣ не обывается,
Што мертвый съ могилы ворочается“.

Такое разочарованіе навѣяно безутѣшной тоской и, служа выраженіемъ позднѣйшаго скептицизма, не подрываетъ вѣры въ общеніе между мертвыми и живыми, вѣры, лежащей въ основѣ самихъ причитаній, рассчитанныхъ на то, что мертвый и въ могилѣ услышитъ призывъ, скорбный или радостный, оставшихся родныхъ и отзовется на него. На такомъ повсемѣстно распространенномъ взглядѣ построено множество поэтическихъ произведеній, изъ которыхъ мы выберемъ слѣдующую превосходную галицко-русскую думу ²⁾:

Летѣла зазуля та въ садъ коваючи;
Плакала дѣвчина за старого йдучи.
„Умри, старый, умри, за молодого поду,
Чей я собѣ та й за нимъ лѣшу долю знайду!“
Умеръ старый, умеръ, за молодого пошла,
И счастье strатила, и долѣ не найшла.
Де въ полѣ могила зъ вѣтромъ говорила,
Тамъ молода старого изъ гробу будила:
„Встань, старый, встань, червона калино,
Вже менѣ съ тобою говорити мило!

¹⁾ Ibid. стр. 174 и 218; С. Брайловскій, О смерти и посмертномъ существованіи по причитаціямъ сѣвернаго края. Въ Рус. Фил. В. 1885. N. 2, стр. 227—265.

²⁾ Я. Головацкій, Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Москва, 1878, I, стр. 190.

Встань, старый, встань, червоная роже,
 Поди собѣ водь мене, ты, тяжкій вороже!
 Встань, старый, встань, подивись на тѣло.
 За тобою было бѣле, зъ молодымъ счорнѣло!—“
 „Руто моя круто, зеленая руто,
 Перше'сь мене истроила, не дала'сь ми жити,
 А теперь ми не даешь, ще й въ гробѣ лежати!—“

Таковы переживанія въ поэзіи вѣры въ то, что покойникъ и в могилѣ продолжаетъ жить своею прежнею жизнью. Взглядъ этотъ отражается еще и по настоящее время въ запрещеніи напр. сожигать щепу отъ гроба, чтобы мертвецу не было жарко ¹⁾, и находить яркое выраженіе въ поэзіи ново-греческой, весьма близкой къ южно-славянской. На почвѣ такого взгляда и повоится выражаемое въ народной поэзіи желаніе, чтобы могила была удобна и давала возможность мертвецу исполнять свои прежнія привычки и быть въ общеніи съ внѣшнимъ міромъ. Въ одной Загорской пѣснѣ изъ Эпира ²⁾ умирающій Константинъ приказываетъ похоронить себя въ одной могилѣ съ только что умершей женой; съ правой стороны должно быть окно въ могилѣ, куда свѣтило бы майское солнце и августовскій мѣсяцъ; могила должна быть настолько обширной, чтобы жена его могла стать и украшать себя румянами, а самъ онъ могъ бы зажечь свою трубку съ длиннымъ чубукомъ. Клефты часто передъ смертью просятъ своихъ товарищей похоронить ихъ въ обширной могилѣ, такъ чтобы въ ней можно было встать, сражаться и заряжать ружья ³⁾.

*Kaì φκιάστε μου τὸ μνήμᾳ μου, νὰ πέρῃ διὸ νομάτους,
 Νὰ στέχ' ὁρτὸς νὰ πολεμῶ καὶ δίπλα νὰ γεμίζω.
 Κι' ἀπ' τῇ δεξιᾷ μου τῇ μεριᾷ ἀφῆστε παραθύρι.
 Νὰ μπαίνωβγαίνουν τὰ πουλιὰ τῆς ἀνοιξὶς τ' ἀηδόνια,
 Νὰ φέρουν χαϊρετίσματα ἀπὸ τὸν Μπουκοβάλα“.*

¹⁾ В. Даль, Пословицы рус. народа. М. 1879, стр. 566.

²⁾ Γ. Χασιώτου, Συλλογὴ τῶν κατὰ τὴν Ἠπειρὸν δημοτικῶν ἀσμάτων. Ἀθῆναι. 1866, стр. 170.

³⁾ А. Passow, Popularia carmina Graeciae recentioris. Lipsiae, 1860, NN. 104, 105, 106, 119, 134.

Только тѣмъ же воззрѣніемъ можно объяснить и тѣ пѣсни, въ которыхъ разсказывается, что мертвецъ стонетъ и жалуется на причиненное ему оскорбленіе, если кто либо станетъ на его могилу, какъ напр. въ слѣдующей пѣснѣ „Н βοή τοῦ μνήματος“ ¹⁾:

„Мы пили всю субботу, все воскресенье пили мы, а въ понедѣльникъ у насъ не хватило вина и капитанъ послалъ меня за нимъ“. Посланный былъ еще неопытнымъ клефтомъ, не зналъ дороги и случайно взошелъ на холмъ, гдѣ лежали паликары въ могилахъ.

Δὲν εἶδα, καὶ τὸ πάτηρα ἀπάνω 'σ τὸ κεφάλι·
 Βοῆν ἀκούω καὶ βροντῇν ἀπὸ τὸν κάτω λόσμον.
 „Τί ἔχεις, μνήμα, καὶ βογγᾷς, καὶ βαραναστενάσεις;
 Μῆνα τὸ χώμα σοῦ βαρεῖ; μῆνα ἡ μαύρη πλάκα;“
 „Οὐδὲ τὸ χώμα μοῦ βαρεῖ, οὐδὲ ἡ μαύρη πλάκα,
 Μὲν τὸ 'χω μάραν κ' ἐντροπῇν, κ' ἔναν καὶμὸν μέγαλον,
 Τὸ πῶς με καταφρόνεςας, μ' ἐπάτησας 'σ τὸ κεφάλι“... т. е.

Я не замѣтилъ, какъ наступилъ на голову мертвеца и вдругъ услышалъ голосъ, подобный грому, изъ царства мертвыхъ. „Что съ тобою, могила, что ты жалуешься и стонешь такъ сильно? Тяжела ли тебѣ земля или черный камень?“ „Ни земля не тяжела для меня, ни черный камень, по мнѣ обидно, тяжело и жалко, что ты такъ оскорбляешь меня и становишься мнѣ на голову“.

Такою же воспримчивостію къ совершающимся вокругъ нихъ событіямъ надѣлялись мертвые и по представленію древнихъ грековъ, что заставляло проходящихъ мимо гробницы обращаться къ покойнику съ привѣтствіемъ „χαῖρε“ ²⁾; на нѣкоторыхъ надписяхъ вырѣзывался даже какъ бы отвѣтъ мертваго на такое привѣтствіе. Точно также и извѣстная латинская поговорка „De mortuis nil nisi bene“ первоначально, по всей вѣроятности, имѣла болѣе реальное значеніе, предупреждая о томъ, что мерт-

¹⁾ C. Fauriel, Chants populaires de la Grèce Moderne. Paris, 1825, II. стр. 402; Passow, Op. cit. NN. 148 и 149; B. Schmidt, Griechische Märchen, Sagen u. Volkslieder. L. 1877, стр. 168 — 172, NN. 29 и 30.

²⁾ K. Hermann, Lehrbuch d. griechischen Privatalterthümer. Heidelberg, 1870², III, стр. 325.

вый можете обидѣться за оскорбительный отзывъ и пожалуй отомстить и лишь въ послѣдствіи получила содержаніе чисто нравственнаго характера, съ какимъ она теперь и употребляется.

И такъ, обозрѣвая собранные факты, мы по необходимости должны придти къ заключенію, что по представленію, идущему изъ глубокой древности ¹⁾, отразившемуся и въ жизни классическихъ народовъ ²⁾, свойственному, повидимому, и первобытнымъ племенамъ, а также имѣющему еще мѣсто и понинѣ въ міросозерцаніи европейскихъ народовъ, міръ мертвыхъ не отдѣленъ непроходимой бездною отъ міра живыхъ, а напротивъ того находится въ нравственной и даже матеріальной связи. Въ силу такого вѣрованія мертвые способны воспринимать со стороны внѣшняго міра и радость, и горе, и даже вставать изъ могилъ и по разнымъ поводамъ являться въ среду людей ³⁾. Одной изъ причинъ, заставляющихъ покойниковъ покидать могилу, служатъ слезы, проливаемые чрезъ мѣру ихъ родными; изученіемъ проявленія такого воззрѣнія въ жизни и поэзіи мы и займемся въ слѣдующей главѣ.

4. Слезы и неотутѣшная скорбь тревожатъ покой мертвыхъ.

Curae non ipsa in morte relinquunt. Virgil. Aen. VI. 444.

На почвѣ общаго вѣрованія, будто мертвые сохраняютъ способность духовнаго и матеріальнаго общенія съ внѣшнимъ міромъ, народная фантазія, какъ мы видѣли, создала множество разнообразныхъ разсказовъ про мертвецовъ, становившихся въ то или другое отношеніе къ живымъ. Изъ такихъ разсказовъ можно выдѣлить цѣлую группу повѣствованій, развивающихъ ту мысль, что мертвые испытываютъ страданіе, если по нимъ

¹⁾ W. Geiger, Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen 1882, стр. 286—291.

²⁾ Н. Новосадскій, Елевсинскія мистеріи. СПб. 1887, стр. 175.

³⁾ А. Кирпичниковъ, Далеко ли ушли мы отъ миѳическаго міросозерцанія. Въ журн. „Новъ“ за 1885, т. I, стр. 46—70.

долго и горько плачутъ. Подобная мысль могла явиться какъ бы объясненіемъ взгляда, въ силу котораго по мертвымъ не слѣдуетъ плавать, взгляда, общаго, по мнѣнію А. К у н а¹⁾, всѣмъ индогерманскимъ народамъ. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе этого вопроса во всемъ его объемѣ, я ограничусь лишь указаніемъ, что дѣйствительно можно собрать факты, свидѣтельствующіе о существованіи такого воззрѣнія, если не повсемѣстно, то крайней мѣрѣ у отдѣльныхъ народовъ, отъ которыхъ оно могло перейти и въ другія страны.

Такъ изъ весьма многихъ мѣстъ позднѣйшихъ памятниковъ персидскихъ съ достаточною ясностью можно видѣть, что у персовъ было запрещено оплакивать покойниковъ²⁾. Между прочимъ въ *Ardai-Viraf-Nâmekh* по переводу І. П о п а³⁾ находимъ слѣдующее мѣсто. *Ardai-Viraf*, видя глубокую и зловонную рѣку, уносившую множество душъ человѣческихъ, объятыхъ страхомъ потонуть, на вопросъ, чтобы это обозначало, получилъ такого рода отвѣтъ: The river that you see before you is composed of the tears of mankind, tears shed, against the express command of the Almighty, for the departed; therefore, when you return again to the earth inculcate this to mankind, that to grieve immoderately is in the sight of God a most heinous sin; and the river is constantly increased by this folly, every tear making the poor wretches who float on it more distant from ease and relief м. е. рѣка, которую ты видишь передъ собою, состоитъ изъ людскихъ слезъ, пролитыхъ, противно Божьему повелѣнію, за усопшихъ. Поэтому когда ты вернешься на землю, внуши людямъ, что чрезмѣрная скорбь есть тяжкій грѣхъ предъ Богомъ, а между тѣмъ люди по своему безумію постоянно увеличиваютъ эту рѣку и каждая слеза отдаляетъ освобожденіе несчастныхъ душъ, несущихся по ней.

¹⁾ А. К у н, Wolf's Zeitschrift für deutsche Mythologie u. Sittenkunde. I (1853). стр. 62.

²⁾ Fr. Spiegel, Avesta, die heiligen Schriften der Parsen. Leipz. 1852, I, стр. 80—81, пр.

³⁾ *Ardai-Viraf-Nâmekh*, translated from the Persian, by I. A. Pore. London, 1816. стр. 53. Еще ярче выражена та же мысль въ текстѣ Pahlavi, *Arda-Viraf*, Haug and West, Bombay u London, 1872, гл. 16, стр. 165.

Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ тому же воззрѣнію дается нѣсколько иное объясненіе: Si quis ex hoc malo mundo discedit, nemo debet flere propter illum; quia omnis aqua quae ex ejus oculis fluit, ante portam *Tschînavar* erit obex ei. *Tschînavar*—это по ученію А в е ст ы мостъ, перекинутый черезъ обширное пространство воды, отдѣляющее рай отъ земли; на этомъ мосту произносится приговоръ надъ душами, одни по мосту идутъ въ рай, другія низвергаются въ бездну ²⁾. Такому представленію Персовъ соотвѣтствуетъ древне-греческое воззрѣніе, по которому души умершихъ переплываютъ Океанъ или же въ челногѣ Харона подземныя рѣки, а мостъ, служащій звеномъ между землей и загробнымъ пребываніемъ душъ, извѣстенъ и сѣверно-скандинавскимъ сказаніямъ Эдды ³⁾, встрѣчается въ мифологическихъ представленіяхъ славянскихъ народовъ ⁴⁾ и въ памятникахъ санскрита ⁵⁾. Прибрежные жители западной Галліи думали, что ихъ мертвые на корабляхъ переправляются по морю въ туманную и мрачную Британнію ⁶⁾.

Быть можетъ въ связи съ подобнымъ представленіемъ о загробной судьбѣ души находится и запрещеніе оплакивать умершихъ, какъ это мы видѣли у древнихъ персовъ, полагавшихъ, что слезы препятствуютъ душѣ перейти мостъ, ведущій въ рай и увеличиваютъ собою рѣку, отдѣляющую землю отъ царства усопшихъ. Котляревскій ⁷⁾ предполагаетъ, что слезы въ этомъ случаѣ являются метафорой дождя: имъ обливается душа, витающая въ надземной сферѣ и терпящая оттого страданія. Но такая мифологическая гипотеза врядъ-ли достигаетъ цѣли, благодаря

¹⁾ Sad-der, Porta XCVII, Hyde, Veterum Persarum et Parthorum Religionis Historia, стр. 486, ed. Oxford 1700;

²⁾ W. Geiger, Ostiranische Kultur im Altertum, Erlangen 1882, стр. 277.

³⁾ I. Grimm, Deutsche Mytholog. Berlin 1876⁴, II, стр. 694—95.

⁴⁾ А. Котляревскій, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, М. 1868, стр. 203.

⁵⁾ H. Zimmer, Altindisches Leben. Berlin 1879, стр. 409.

⁶⁾ Procopius, De bello Gothico, 4, 20.

⁷⁾ А. Котляревскій, op. cit. стр. 214, пр.

своей искусственности и отсутствію указаній, что дождь считается по народному представленію силой враждебной человѣку. Трудно сказать, каково было первоначальное основаніе этого вѣрованія, но съ нимъ мы встрѣчаемся у весьма многихъ народовъ, и оно отразилось въ погребальныхъ обычаяхъ съ одной стороны и въ народной поэзіи съ другой.

Въ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ законодательной индійской литературы, относимомъ ко II вѣку по Р. Х., именно въ третьей книгѣ *Yājñavalkya* ¹⁾ находится прямое запрещеніе плакать по умершему: „Weil der verstorbene wider willen den speichel und die thränen genießst, welche die verwandten vergießen, so muss man nicht weinen, sondern die todtten opfer nach vermögen vollziehen“. Въ индійской поэмѣ *Raghuvamśa* изъ VI вѣка по Р. Х. ²⁾ ясно говорится, что слезы жгутъ умершаго:

Denn der Angehörigen stetes Weinen
Brennt den Hingeschiedenen, also lehrt man ³⁾.

У грековъ встрѣчается подобное же представленіе о томъ, что слезы нарушаютъ покой мертвыхъ, но непосредственно народное истолкованіе этого представленія намъ неизвѣстно. У Лукіана въ соч. „Περὶ πένθους“ ⁴⁾ тѣнь сына, умершаго въ юности, въ слѣдующихъ словахъ упрекаетъ неутѣшнаго отца: ὦ κακὸδαίμων ἄνθρωπε, τί χέκραγας; τί δέ μοι παρέχεις πράγματα; у Софокла въ Трахиніанкахъ Гераклъ запрещаетъ всякій плачь о своей νέος θάνατος, которая для него не кажется уничтоженіемъ, но жизнью: ⁵⁾

.....γούνο δὲ μηδὲν εἰσάτω δάκρυ,
ἀλλ' ἀστένακτος καδάκροτος, εἴπαρ εἰ
τοῦδ' ἀνδρὸς, ἔρπον' εἰ δὲ μὴ, μανῶ σ' ἐγώ
καὶ νέρθεν ὦν ἄριστος εἰσαίει βαρὺς

¹⁾ A. Stenzler, *Yājñavalkya's Gesetzbuch. Sanskrit u. deutsch.* Berlin 1849, стр. 89

²⁾ L. v. Schroeder, *Indiens Literatur u. Cultur.* Leipz. 1887 стр. 514

³⁾ Пер. Fr. Rückert, кн. VIII (1833).

⁴⁾ Lucian, *De luctu*, с. 16.

⁵⁾ Sophocl. *Trach.* v. 1199—1204; 1276, Ed. Dindorfii.

Такое запрещеніе плавать по умершемъ. основывалось, очевидно, на вѣрѣ въ продолженіе существованія послѣ смерти, на томъ же основаніи и похороны у многихъ народовъ окружены были праздничной обстановкой. Такъ Валерій Максимъ ¹⁾ о еракійскихъ народахъ говоритъ: *exsequias cum hilaritate celebrant*, а Помпоній Мела ²⁾ о нихъ же сообщаетъ: *funera festa sunt, et veluti sacra cantu lusuque celebrantur*. Гераклідъ Понтіискій ³⁾ пишетъ о локрійскихъ народахъ: *παρ' αὐτοῖς ὁδύρεσθαι οὐκ ἔστιν ἐπὶ τοῖς τελευτήσασιν, ἀλλ' ἐπειδὴν ἐκκομίσωσιν, εὐχοχόνται*; то же самое рассказываетъ Геродотъ ⁴⁾ про гетовъ и Лукіанъ ⁵⁾ про скиѳовъ, говоря, что тибаренцы, скиѳское племя, вѣрили въ ἀθανατίζειν т. е. безсмертіе и вѣру эту онъ считаетъ ἐπιχώριον τοῖς Σκύθαις. Гораздо позднѣе византійская писательница Евдокія рассказываетъ про гетовъ: ⁶⁾ *οὐ γὰρ ἀποθνήσκειν, ἀλλὰ μετακίεσθαι νομίζοντες ἐτομότερον θνήσκουσιν ἢ τὰς ἀποδημίας ὑπομένουσιν*. ἔστι δὲ καὶ νόμος Γετικὸς, οπισφάζεσθαι τὴν γυκαῖκα τῷ ἀνδρὶ θανόντι καὶ κηθαρίζειν, ὅταν ἐπικηρυκεύωνται.

Переходя ко времени болѣе близкому къ намъ, мы встрѣчаемъ историческое свидѣтельство о подобныхъ же взглядахъ на смерть у славянъ. Мекленбургскій историкъ Николай Маршалкъ Туріи (1470—1525) сообщаетъ намъ, что славянское населеніе Мекленбурга въ XV и XVI вв. держалось еще слѣдующихъ погребальныхъ обычаевъ: ¹⁾ пока тѣло усопшаго не погребено, ночью въ домъ его идетъ попойка въ честь покойника, никто не предается печали, цѣлую ночь пьютъ и ведутъ бесѣду; жена умершаго одѣвалась въ подвѣнечное платье и провожала его до могилы; жители Гавельгейды, также славяне по языку, торжест-

¹⁾ Valer. Max. 2, 6, 12.

²⁾ Mella 2, 2.

³⁾ Heraclid. Pontic. Pol. fr. 30.

⁴⁾ Herod. 5, 4.

⁵⁾ Lucian. Scythia 1.

⁶⁾ Eudocia Viol. p. 304 ed. Flach (p. 194 ed. pr.).

⁷⁾ Monumenta inedita rerum Germanicarum precipue Cimbricarum. L. 1734—40, I, стр. 574; А. Котляревскій О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ словянъ М. 1868, стр. 138—139.

венно, съ пѣснями и плясками, несли мертвеца къ мѣсту погребенія и тамъ воздавали ему послѣднюю честь, они предлагали ему чашу напитка, которую и проливали въ могилу, орошая имуществу, вещи, кажими снабжали усопшаго.

Въ „*Роксоланіи*“ Клёновича († 1604), поэмѣ, написанной латинскими гекзаметрами и заключающей въ себѣ весьма интересную картину бытовой жизни Червонной Руси XVI вѣка, находится такое мѣсто ¹⁾:

Com volat ex animi postremus anhelitus oro
Vitalis linquit frigida membra calor.
Мох anus ingeminat doctas mercede querelas,
Nonque suum deflet foemina jussa virum.

Смерть была, конечно, всегда покрайней мѣрѣ для остающихся въ живыхъ, синонимомъ горя и лишеній, а потому плачи и причитанія по усопшему, несомнѣнно, восходятъ къ глубокой древности, но тутъ потребность плача, вытекающая изъ чувства любви и нравственной привязанности, встрѣчается съ народнымъ вѣрованіемъ, идущимъ также изъ незапамятныхъ временъ, по которому *мертвыхъ не слѣдуетъ оплакивать*. Такое воззрѣніе существовало у славянъ, воспоминаніе о немъ сохранилось еще и до нынѣ у малороссовъ ²⁾ и, по всей вѣроятности, имъ-то и объясняется свидѣтельство Клёновича:

Nonque suum deflet foemina jussa virum“.

Слезы родныхъ тревожатъ покой мертваго, онѣ пропитываютъ его смертные покровы и дѣлаютъ ихъ невыносимыми, онѣ жгутъ мертвеца, что объясняетъ, быть можетъ, постоянный эпитетъ слезъ въ славянской народной поэзіи „*жгучія, горючія слезы*“. Поэтому у словаковъ родные не плачутъ, чтобы не заплакать умирающаго ³⁾, и чехи послѣ плача по усопшемъ со-

¹⁾ *Roxolania* въ IV т. *Przekładów poetów Polsko-Lacińskich*, стр. 202—5. Warsz. 1852.

²⁾ Хр. Ящуржинскій, Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи. Кіевская Старина, 1890, Январь, стр. 130.

³⁾ *P. Dobšinský*, *Porostónárodné obyčaje*. Turč. sv. Martin, 1880, стр. 113.

жигаютъ на огнѣ масло для облегченія души покойнаго ¹⁾. Воззрѣніе, будто умершіе лишаются спокойствія, если послѣ ихъ смерти о нихъ долго и сильно плачутъ, распространено повсюду въ Германіи ²⁾: слезы жгутъ мертваго, подобно огню (Баварія и Богемія), или же заставляютъ его снова являться на землю (Тюрингія), или же, переходя въ гробъ, готовятъ скорую смерть самому плачущему (Вост. Пруссія, Познань, Мекленбургъ, Баварія, Франконія, Тюрингія); сколько слезъ проливается по мертвому, столько капель масла подбавляется въ огонь чистилища (Богемія), подобно тому, какъ по ученію Авесты, слезы увеличиваютъ рѣку, черезъ которую умершіе должны перебираться, идя въ царство мертвыхъ.

По словамъ Вальтеръ Скотта по всей Шотландіи ³⁾ было распространено вѣрованіе, что чрезмѣрная печаль объ усопшихъ нарушаетъ ихъ загробный покой. Есть свидѣтельства, что и въ Англіи также сохранилось до позднѣйшаго времени (1868 г.) подобное представленіе, а въ Ирландіи полагали, что горькія слезы могли сдѣлать дыру въ покойникѣ. Общее понятіе о вредѣ слезъ таково, что онѣ промачиваютъ одежду покойника. По словамъ В. Скотта одинъ шотландецъ принужденъ былъ явиться своей родственницѣ и сказать ей, что слезы ея совершенно промочили его рубашку, а другая исторія разсказывается такого содержанія ⁴⁾. Сестра потеряла своего единственнаго брата и вотъ каждую ночь она проводила въ горькихъ слезахъ и жалобахъ, призывая его по имени. Наконецъ братъ явился къ ней, одѣяніе его было мокро, и онъ дрожалъ отъ холода. „Зачѣмъ ты тревожишь меня своимъ безразсуднымъ горемъ“, сказалъ онъ; „пока ты не смиришься передъ волей Провиденія, до тѣхъ поръ

¹⁾ S. G r o h m a n n, Aberglauben aus Böhmen. Pr. 1864, стр. 192; Časopis Českeho Mus. 1856. III, 63; 1859, 507.

²⁾ A. W u t t k e, Der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart, B. 1869, стр. 431.

³⁾ J. Child, Op.cit. III, стр. 234.

⁴⁾ Grant of Laggan, Essays on the Superstitions of the Highlanders of Scotland, ed. New-York, 1813, p. 95.

каждая твоя слеза падаетъ на мой смертный покровъ и не высыхаетъ, а ты еще болѣе прибавляешь мнѣ страданій все новыми слезами“.

На почвѣ такого представленія неизбежнымъ образомъ должны были развиваться разнообразныя рассказы; нѣкоторые изъ нихъ подвергались затѣмъ художественной обработкѣ, какъ напр. баллада „*The unquiet Grave*“¹⁾, содержаніемъ своимъ примыкающая къ цѣлому ряду однородныхъ произведеній, встрѣчающихся почти у всѣхъ народовъ Европы. Содержаніе баллады приблизительно таково:

„Воетъ вѣтеръ, дождь идетъ, моя милая, которую я любилъ одну на свѣтѣ, лежитъ въ холодной могилѣ. Я докажу ей мою любовь, какъ рѣдко кто сможетъ это сдѣлать, я пойду и сяду на ея могилу, буду горевать тамъ двѣнадцать мѣсяцевъ и еще одинъ день. Прошелъ этотъ срокъ и покойница заговорила: „кто плачетъ на моей могилѣ и мѣшаетъ мнѣ лежать въ ней?“. „Это я сяду на твоей могилѣ, моя дорогая, и не дамъ тебѣ покоя, пока не дождусь отъ тебя поцѣлуя“. „Зачѣмъ ты добиваешься его? Мое дыханіе пахнетъ землей, мои губы холодны, и тотъ, кого онѣ поцѣлуютъ, самъ скоро умереть“.

И въ другихъ странахъ Европы извѣстно воззрѣніе, что мертвымъ не слѣдуетъ плакать безъ мѣры, и оно рано попало въ памятники европейской литературы. Съ нимъ между прочимъ мы встрѣчаемся въ книгѣ Томы изъ Шампрэ²⁾ „*Bonum universale de apibus*“, составленной между 1263 и 1269 годомъ. Въ книгѣ этой, выдержавшей въ средніе вѣка нѣсколько изданій, собрано множество разныхъ рассказовъ съ цѣлію назиданія. Разсуждая о возможности ходатайства за умершихъ, авторъ указываетъ на семь способовъ такихъ прошеній, обобщая ихъ формулой: *Fle, pete, jejuna, vigila, da, redde, celebra*. Разъясняя первый способъ, слѣдовательно допуская слезы, онъ говоритъ: *Lacrimae enim temperant calorem ignis purgatorii. Si autem la-*

¹⁾ J. Child, Op. cit. III, стр. 234.

²⁾ Thomas Cantipratensis, Bonum universale de Apibus, 1627, стр. 500.

crimas alias immoderatas pro mortuo flevēris, inanes sunt, et nulum refrigerium praestant. Последнее свое положеніе онъ описываетъ на народное, извѣстное намъ повѣріе, которое и сообщаетъ въ видѣ разсказа, озаглавивъ его:

Visio aviae autoris, quae filium inutiliter lamentabatur.

Сообщая случай изъ жизни своей бабушки, Тома изъ Шампрé замѣчаетъ, что слышалъ разсказъ о немъ отъ своей матери. Содержаніе разсказа таково: бабушка автора безутѣшно оплакивала смерть своего перваго сына, хотя у нея были и другія дѣти. Вотъ разъ когда она плакала, ей показалось, что она видитъ цѣлую толпу юношей, съ большими веселіемъ шедшихъ по дорогѣ; между ними не было ея сына, о которомъ она плакала, но вотъ она замѣчаетъ, что тотъ идетъ позади всѣхъ медленнымъ шагомъ. „Что съ тобою, сынъ мой, закричала мать, почему ты отстаешь отъ другихъ и идешь одинъ?“ Указывая на свое мокрое платье, юноша сказалъ: „это твои, матушка, слезы, напрасно пролитыя изъ-за меня, тяжесть ихъ заставляетъ меня отставать отъ другихъ. Проливай слезы предъ Господомъ и св. Тѣломъ Христовымъ и раздавай за меня милостыню бѣднымъ съ покорнымъ и чистымъ сердцемъ, и я буду свободенъ отъ затрудненія, въ которомъ ты теперь видишь меня“. Въ славянской хроникѣ Гельмольда описывается записаннымъ подобный же разсказъ изъ XII вѣка¹⁾). Разсказывая подъ 1154 годомъ о смерти епископа Виллина, Гельмольдъ приводитъ преданія о явленіи этого духовнаго сановника послѣ своей смерти разнымъ лицамъ своей бывшей паствы и между прочимъ по слѣдующему поводу. Одинъ изъ монашеской братіи, vir clarissimus Ерро, весьма близко стоявшій къ покойному епископу при его жизни, безутѣшно оплакивалъ его смерть. Много времени прошло уже со дня смерти епископа, а Эрро все плакалъ; тогда покойный епископъ явился во снѣ одному чистому и смиренному юношѣ и сказалъ ему: Dic fratri nostro Erponi, quatinus cesset flere, quia

¹⁾ Helmodi Presbyteri, Chronica Slavorum. Pertz, 1868, стр. 150, гл. 78

bene sum, et fletibus ejus condoleo, ecce enim lacrimas ejus in vestibus meis porto. Сказавъ это, онъ указалъ юношѣ на свое бѣлоснѣжное одѣяніе, сплошь залитое слезами.

Въ сборникѣ разныхъ повѣствованій, пользовавшемся также большой извѣстностью въ средніе вѣка, въ такъ наз. *Legenda Aurea* ¹⁾, рассказывается, будто св. Іоаннъ Элеозинарій и нѣкоторые изъ его епископовъ принуждены были выйти изъ своихъ могилъ, такъ какъ ихъ одежды насквозь промочены были слезами одной женщины.

На тему подобнаго содержанія можно прочесть цѣлую проповѣдь у Ге й л е р а ²⁾, находившагося, какъ извѣстно, подъ сильнымъ вліяніемъ французскаго проповѣдника Gerson'a, отъ котораго, быть можетъ, былъ заимствованъ и самый сюжетъ.

Таковы отраженія народныхъ рассказовъ въ средневѣковой литературѣ. Основная идея ихъ, быть можетъ, безсознательно отразилась въ словахъ умирающаго нибелунга, Вольфгарта, съ которыми онъ обращается къ Гильдебранду ³⁾:

„Когда мои родные начнутъ по мнѣ рыдать,
Вы отъ меня ближайшимъ моимъ должны сказать,
Чтобъ слезъ по мнѣ не лили, въ томъ нѣтъ нужды: меня
Сразилъ король своею рукой, погибъ со славой я“.

Что касается самихъ народныхъ рассказовъ, развивающихъ ту же мысль, то въ настоящее время собрано ихъ огромное количество; изъ нихъ мы приведемъ лишь нѣкоторые. Такъ въ Тюрингіи записанъ слѣдующій рассказъ: ⁴⁾.

„У одной молодой женщины умеръ единственный ребенокъ, она плакала объ немъ безъ мѣры и была безутѣшна; каждую

¹⁾ *Legenda Aurea sive historia lombardica* (XIII ст.). Herausg. v. Grässe L. 1850², стр. 132, гл. 27, § 12.

²⁾ J. Geiler von Kaisersberg, *Trostspiegel*. Strassburg, 1511.

³⁾ Пѣснь о Нибелунгахъ. Переводъ М. И. Кудряшева, СПб. 1890, стр. 427, строфа 2302.

⁴⁾ W. Börner, *Volkssagen aus dem Orlagau*. Altenburg 1838, стр. 142.

ночь она выходила на могилу дитяти и предавалась такому горю, что даже камни могли бы растрогаться. Въ ночь наканунѣ Крещенія, плача по обыкновенію на могилѣ своего ребенка, молодая женщина замѣтила, что вблизи проходитъ Perchta (= Берта) ¹⁾ съ толпой дѣтей; позади всѣхъ другихъ шелъ маленькій ребенокъ, одѣтый въ совершенно мокрую рубашку, и несъ въ рукѣ кружку съ водой; онъ казался уставшимъ отъ своей тяжелой ноши и не могъ поспѣвать за другими; боязливо остановился онъ предъ заборомъ, черезъ который перешла Perchta и чрезъ который перелѣзли другія дѣти. Въ этотъ моментъ мать узнала въ этомъ ребенкѣ свое дитя, поспѣшила къ нему и пересадила его черезъ заборъ. Когда она держала его въ своихъ рукахъ, ребенокъ сказалъ: „ахъ, какъ теплы твои руки, матушка! но не плачь такъ сильно, ты уже и безъ того сдѣлала мою кружку тяжелой, наполнивъ ея своими слезами, да и рубашка моя залита ими“. Съ той ночи, какъ рассказываютъ въ Вильгельмсдорфѣ, мать перестала плавать.

Въ другомъ разсказѣ, записанномъ Бёрнеромъ въ Бодельвицѣ (*ibid.* 152), ребенокъ, прося мать не плакать, прибавляетъ: „каждую слезу, что ты проливаешь, я долженъ собрать въ мою кружечку“.

Не считая для себя возможнымъ остановиться здѣсь на разсмотрѣніи домысла Я. Гримма ²⁾, будто кружка въ этихъ разсказахъ, быть можетъ, имѣетъ связь съ тѣмъ сосудомъ для слезъ, который часто попадаетъ въ древнихъ могилахъ, я ограничусь лишь указаніемъ, что представленіе о силѣ слезъ, способной будить такъ или иначе мертвецовъ, пользовалось широкимъ распространеніемъ и развивалось то въ формѣ сказки, то въ видѣ

¹⁾ J. Grim, *Deutsche Mythologie*. Berlin 1876⁴, стр. 777 сближаетъ эту Берту (Perchta) съ Berchtold, привиденіемъ, стоящимъ по швабскимъ разсказамъ во главѣ полчищъ дикаго охотника. Perchta является иной разъ окруженной толпой плачущихъ дѣтей, умершихъ некрещенными.

²⁾ J. Grimm, *Op. cit.* стр. 778.

пѣсни ¹⁾). Подобное представлѣніе, по всей вѣроятности, должно было быть разработано и въ итальянскомъ сказаніи, послужившемъ матеріаломъ для одной изъ лучшихъ новеллъ Боккаччо ²⁾, сюжетъ которой таковъ: братья Елизаветы тайнымъ образомъ убиваютъ ея возлюбленнаго, Лоренцо; съ предчувствіемъ чего-то недобраго ждетъ она его возвращенія и по ночамъ, проливая горячія слезы, жалуется на его долгое отсутствіе. Наконецъ, *Lorenzo l'apparve nel sonno, pallido e tutto rabbuffato, e con panni tutti stracciati e fracidi, e parvele che egli dicesse: O Lisabetta, tu non mi fai altro che chiamare, e della mia lunga dimora*

¹⁾ Jac. u. W. Grimm, *Kinder u. Hausmärchen*, N. 109; Reusch, *Sagen. d. preuss. Samlandes* (1838), N. 32; Erk, *Neue Sammlung*, III, 1, N. 35 = Wunderhorn, IV, 95, Liederhort, p. 8, N. 3, Mittler, N. 557; Hoffmann u. Richter, p. 341 N. 290; Müllenhoff N. 195 и 196; Meinert, p. 13 = Erk's Wunderhorn, IV, 96, Erk's Liederhort, p. 160, N. 46a, Hoffmann in *Deutsches Museum*, 1852, II, 161 = Wunderhorn, IV, 97, Liederhort, p. 158, N. 46, Mittler, N. 556; Maurer, *Islandische Volkssagen*, p. 312, N. 9; Blaas, въ *Germania* XXV, 429, N. 34; Grimm, *Deutsche Mythologie*, III, 447, N. 397; Wunderhorn, IV, 94; Wolf, *Beiträge zur deutschen Mythologie*, I, 215, N. 149; Wolf, *Wuotan I* (1853), p. 63 — 70; Bechstein, *Märchenbuch*, 1845, p. 109, 1879, p. 110, Wucke, *Sagen der mittleren Werra*, 1846, I, 133; II, 31; Krainz, *Mythen u. Sagen aus dem steirischen Hochlande*, p. 405, N. 309 и *Sagen aus Steiermark* p. 50, N. 44. Jacklin, *Volkstümliches aus Graubünden*, Chur. 1878, p. 18; Friedrich Müller, *Siebenbürgische Sagen*, 1857, p. 47, N. 64 и Wien, 1885, N. 87; Schulenburg, *Wendische Volkssagen*, p. 238; Krauss, *Sagen u. Märchen der Südslaven*, II, 307, N. 132; J. W. Wolf, *Deutsche Märchen u. Sagen*, p. 162, N. 42, p. 595; Schambach u. Müller, *Niedersächsische Sagen*, N. 233, p. 220, p. 364; Lütolf, *Sagen aus Lucern*, p. 515; Estacio da Veiga, *Romanceiro do Algarve*, p. 178; Hardung, *Romanceiro Portuguez*, II, 151; Jacobs, *Anthologia Graeca*, II, 799, *Appendix Epigrammatum*, 125, ed. 1814; Gaspé, *Les anciens Canadiens, Quebec.*, 1877, I, 220, цитируется Sébillo, *Annuaire des Traditions populaires*, 1887, p. 88.

²⁾ Boccacio, *Il decameron*. Firenze, 1880, Gior. IV, Nov. V. M. Landau, *Die Quellen des Dekameron*. Stuttgart, 1884 обходитъ полнымъ молчаніемъ эту новеллу.

t'attristi, e me con le tue lagrime fieramente accusi; e per ciò sappi che io non posso più ritornarci, per ciò che l'ultimo dì che tu mi vedesti i tuoi fratelli m'uccisano.

Въ современной народной итальянской поэзіи замѣтны еще слѣды этого древняго представленія о силѣ слезъ и любви. Такъ въ одной пьемонтской пѣснѣ ¹⁾ молодой человѣкъ, горя надъ умершей своей супругой, просить ее проговорить хоть одно слово, дать ему хоть одинъ поцѣлуй. „Oh! come mai volete che vi parli, e che vi dia un bacio d'amore? La mia bocca morta ha odor di terra, che era, viva, di rose e fiori,“ отвѣчаетъ умершая.

Въ одной ниже-бретонской пѣснѣ ²⁾ дѣвушка, желая увидѣть умершую мать, три ночи молится и плачетъ на ея могилѣ. Въ первую ночь мертвая является въ видѣ черной тѣни и разрываетъ въ куски передникъ, нарочито взятый дѣвушкой; во вторую ночь она показывается въ видѣ сѣрой тѣни и тоже разрываетъ второй передникъ; въ третью ночь умершая появляется бѣлой тѣнью, разрываетъ и третій передникъ на части, а потомъ обращается къ дочери съ такими словами:

Tu as eu du bonheur
Que je ne t'aie mise toi-même en morceaux!
Que je ne t'aie mise en pièces, toute vivante,
Comme je le faisais à mes tabliers!
Tu augmentais mes peines, chaque jour,
Par la douleur que tu me témoignais!
Tu as tenu un enfant (sur les fonts baptismaux),
Et tu lui as donné mon nom;
Tu lui as donné mon nom,
Et c'est ce qui m'a sauvée!
Je vais maintenant voir Dieu,
Et toi, tu viendras aussi sans tarder! —

¹⁾ C. Nigra, Canti popolari del Piemonte. Torino, 1888, стр. 120: La sposa morta.

²⁾ Luzel, Chants populaires de la Basse-Bretagne. Lorient, 1868 стр. 61: La jeune fille et l'ame de sa mère.

Есть еще рядъ поэтическихъ произведеній, основанныхъ также на народномъ вѣрованіи, существующемъ до сихъ поръ, что смертная рубашка не даетъ покою мертвецу, если она сшита не сразу, т. е. съ перерывомъ. Такое повѣріе существуетъ у чеховъ, лужичанъ и у нѣмцевъ и выраженіемъ его служатъ напр. лужицкая пѣсня „*Kitel* 1)“, начинающаяся такъ:

„Štò tu khodži po mojim rowi,
Zibnje trawu zelenu?“ т. е.

„Кто ходитъ по моей могилѣ и топчетъ зеленую траву?“ Ходитъ молодой владѣлецъ замка, говорится далеке въ пѣснѣ, и топчетъ зеленую траву. „Скажи своей молодой женѣ, пусть сошьетъ мнѣ другую рубашку; въ прежней я не могу лежать, въ ней я не могу сгнить, въ четвергъ ночью пусть ее начнетъ и въ субботу ночью пусть ее кончитъ.“ Печальнымъ вернулся владѣлецъ замка домой, изъ окна увидѣла его жена: „что съ тобою, мой другъ, не болитъ-ли у тебя голова?“ „Ничего у меня не болитъ, но ты должна своему покойному мужу шить другую смертную рубашку; въ четвергъ ночью начини и въ субботу ночью кончи ее.“ „Кто ходитъ по моей могилѣ и топчетъ зеленую траву?“ раздается голосъ изъ могилы. „Я принесла тебѣ другую рубашку,“ говоритъ молодая госпожа изъ замка. При этихъ словахъ, могила раскрылась. „Спускайся сюда ко мнѣ, говоритъ мертвецъ, оставь передъ могилой ключи.“ Съ горькими слезами сходить въ могилу молодая женщина. „Скажи мнѣ, чего ты плачешь: или тебѣ жаль покинуть свой новый замокъ, или молодого супруга, или малыхъ дѣтей?“ „Мнѣ не жаль ни замка, ни мужа, ни дѣтей, мнѣ тяжело разстаться съ маленькимъ сыномъ; онъ спитъ въ своей колыбелькѣ и маленькая Катя качаетъ его. Боюсь, что этихъ малыхъ сиротокъ будутъ обижать послѣ меня.“ „Кто ихъ обидитъ, тому навѣрно не избѣжать злой участи.“

Такое представленіе о смертной рубашкѣ связывается среди нѣмцевъ съ другимъ повѣріемъ: она не даетъ покою мертвецу,

1) Pjesnički horných a delných Lužiských serbow, Haupta a Smolerja. 1841, I, N. LVIII; чешская пѣсня — Čelakowsky I, 5.

если орошена слезами; поэтому еще до сих поръ въ нѣмецкомъ народѣ тщательнo избѣгаютъ, какъ бы слеза не упала на какую либо вещь, идущую въ могилу съ мертвецомъ. Такая мысль развивается въ слѣдующей пѣснѣ „*Der Vorwirth*“ ¹⁾.

„Хозяинъ, женившійся на вдовѣ, пасетъ ночью своихъ лошадей на запущенномъ кладбищѣ. Когда лошади взошли на могилу своего прежняго хозяина, то раздался голосъ мертвеца:

„War hit't mai Grob, war knet't mai Grob?
 War hit't mer oll mai Graslen o?
 War schläft ao bay ma'm jounge Waiv?
 War schwecht ihr denn da' stoulze Laiv?“

„Это—я,“ отвѣчаетъ новый хозяинъ. „Тогда скажи своей женѣ, поручаетъ мертвецъ, чтобы она принесла мнѣ сухую рубашку, такъ какъ моя мовра отъ слезъ, которыя она по мнѣ проливаетъ.“ Новый хозяинъ исполняетъ порученіе мертвеца и съ раздраженіемъ спрашиваетъ жену: „Wos waent se inde? Wos thut se dos?“ Молодая женщина готова немедленно спать бѣлую шелковую рубашку для дорогого покойника, но раньше желаетъ удостовѣриться въ томъ, правду-ли сказалъ ей мужъ. И вотъ она идетъ на кладбище, стучить въ могилу и приказываетъ ей раскрыться, съ тѣмъ чтобы она могла спуститься къ мертвому. Мертвецъ предупреждаетъ ее:

„Wos wiest denn du do hounde thun?
 Do hounde houst du jo kae Ruh;
 Do hounde thorst du nischt backe,
 Do hounde thorst du ni wasche.
 Do hounde heärst du kan Glouckeklang,
 Do hounde heärst du kan Vogelgesang и т. д.

¹⁾ J. Meiner, Alte teutsche Volkslieder in der Mundart des Kuhlandchens. Wien 1817, 13 = Mittler, Deutsche Volkslieder. Frankf. a/M. 1865, стр. 437, N. 555; силезская пѣсня—Prutz, Deutsches Museum 1852, N. 15, 162 u Anton Peter, Volksthümliches aus Oesterreich-Schlesien. Troppau 1865, стр. 200.

Въ это время раздаётся пѣніе перваго пѣтуха, всѣ гробы раскрываются и молодая женщина спускается въ могилу. Вторично поетъ пѣтухъ:

De Gravlen theten sich olle zu;
De Schiene musst ounde verblaive.

Очень можетъ быть, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ отдаленнымъ отзывомъ нѣкогда господствовавшего обычая погребать живыхъ женъ вмѣстѣ съ умершимъ мужемъ, какъ это и усматривается въ нѣкоторыхъ литературныхъ памятникахъ ¹⁾, но, конечно, доказать это крайне трудно, такъ какъ эта архаическая черта покрыта цѣлымъ рядомъ позднѣйшихъ наслоений, пройдя чрезъ множество переработокъ въ памятникахъ народнаго творчества, способныхъ сливать въ одно цѣлое самые разнообразные мотивы. Что касается сюжета о томъ, что слезы тревожатъ покой умершаго и даже вызываютъ его изъ гроба, то для полноты слѣдуетъ указать еще отраженіе его въ малорусской поэзіи. Такъ у Кулиша ²⁾ сообщенъ извѣстный уже намъ рассказъ, какъ дитя должно собирать слезы матери въ сосудъ, а у Драгоманова ³⁾ находимъ слѣдующую повѣсть: „*Не плачь по мертвому: мертвеца въ юстяхъ у жены.*“

„У одной женщины умеръ мужъ: долго плакала жена, цѣлые три года. Вотъ разъ въ жниво поѣхала она съ сыномъ и невѣсткой косить хлѣбъ: сынъ коситъ, а мать съ невѣсткой вяжутъ снопы. Вдругъ мать замѣчаетъ, что къ ней подходитъ кто-то. „Посмотри-ка, сыночекъ, говоритъ она, не отецъ-ли къ намъ идетъ, какъ разъ онъ.“ „Богъ знаетъ, что ты выдумываешь, матушка, ты выплакала очи по немъ, такъ тебѣ и кажется, что это онъ,“ отвѣчаетъ сынъ. Между тѣмъ подошелъ, дѣйствительно, умершій отецъ. Поздоровавшись, онъ и говоритъ: „ну что-же,

¹⁾ F. Liebrecht, zur Volkskunde, стр. 380 и 508.

²⁾ Кулишъ, Записки о южной Руси, II, стр. 42—44.

³⁾ Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и рассказы. Кіевъ, 1876, стр. 391.

старая, дождалась меня? до тѣхъ поръ плакала, пока заставила меня встать изъ могилы, а теперь я пришелъ помочь тебѣ хлѣбъ собирать.“ Онъ взялъ косу и давай косить: какъ махнетъ ко-сой, таѣ весь хлѣбъ сразу и покосилъ, и повязалъ, и въ копны свлалъ. Желю послалъ онъ впередъ въ деревню и приказалъ готовить ужинъ; отъ нея узнали сосѣди объ его приходѣ и, со-бравшись въ его избу, стали спрашивать, откуда и какъ онъ пришелъ. „Шелъ я, говорилъ мертвецъ, двѣнадцать дней землею и двѣнадцать дней бѣлымъ свѣтомъ, да и пришелъ къ своей ста-рой.“ Потомъ онъ началъ уговаривать людей не плакать по мертвымъ, ибо это великій грѣхъ; лучше помянуть ихъ царствомъ небеснымъ, то и душѣ будетъ легче. Много и другого чего онъ имъ рассказывалъ, пока наконецъ смерьлось, люди разошлись по домамъ, сынъ съ невѣсткой легли спать на дворѣ, а старая оста-лась съ мужемъ въ хатѣ, приказавъ сыну время отъ времени посматривать въ окно, чтобы чего-либо не случилось. Легъ сынъ и уснулъ первымъ сномъ, проснулся и посмотрѣлъ въ окно: ви-дять, сидятъ отецъ и мать за столомъ, онъ оперся щекой на руку и о чемъ-то рассказываетъ. Легъ сынъ опять и опять уснулъ, проснулся и вторично увидѣлъ тоже самое; но когда онъ про-снулся въ третій разъ и посмотрѣлъ въ окно, то увидѣлъ страш-ную картину: мать лежитъ на полу, а отецъ распоролъ ей грудь и животъ и вытягиваетъ изъ нея внутренности. Сынъ бросился сбливать сосѣдей, пока они собрались, запѣлъ пѣтухъ и жертвецъ исчезъ. Тогда схоронили мать, а бабы дали зарокъ не плакать по мужьямъ.

Въ шведской пѣснѣ „*Macht des Kummers*“¹⁾ вставшій изъ могилы мертвецъ говоритъ своей возлюбленной:

„Denn jegliche zähre, die deinem Aug' entquillt,
Macht, dass sich mein Herz mit Blut anfüllt;
Doch jegliches Glück, dass dein Herz bewegt,
Den Sarg voll duftiger Rosen mir legt.“

¹⁾ Mohnike, Volkslieder der Schweden. Berlin 1830, I, стр. 39; оригиналь—Geiger och Afzelius, Svenska Folkvisor, I, 29—30, другой текст III, 204—206.

Приведенныхъ литературныхъ указаній, мнѣ кажется, достаточно, чтобы придти къ убѣжденію, что несомнѣнно пользовалось широкой популярностью представленіе, будто умершіе лишаются спокойствія, если по нимъ долго и горько плачутъ. Слезы живыхъ падаютъ на умершаго или свѣжей кровью, или жгутъ его грудь палящимъ огнемъ или дѣлаютъ мокрымъ его смертные покровы, или же мѣшаютъ душѣ попасть въ рай. Такое убѣжденіе распространено какъ между христіанскими, такъ и между иновѣрными народами и имъ, повидимому, объясняется обычай прежняго времени устраивать по усопшемъ веселыя тризны, сопрождавшіяся пѣніемъ и танцами. Общность этого убѣжденія различнымъ народамъ, объясняющаяся первобытнымъ взглядомъ на посмертное существованіе, сказалась, какъ мы видѣли, во множествѣ разнообразныхъ повѣствованій, разрабатывающихъ въ разныхъ формахъ основную идею, что по мертвымъ не слѣдуетъ плакать,—это тревожитъ ихъ покой и вызываетъ ихъ самихъ изъ могилъ. Такая мысль развивается и въ слѣдующихъ поэтическихъ произведеніяхъ, въ разборъ которыхъ мы и переходимъ.

5. Пѣсни и сказки о женихѣ-мертвецѣ.

Изъ всѣхъ многочисленныхъ разсказовъ про мертвецовъ выдѣляется одинъ, въ которомъ первенствующую роль играетъ чувство любви. Жена или по большей части невѣста оплакиваетъ завѣдомо умершаго или безъ вѣсти пропавшаго мужа или жениха; слезы тревожатъ покой мертвеца, онъ встаетъ изъ могилы и является къ плачущей въ прежнемъ своемъ видѣ. Вотъ основа разсказа, примыкающаго къ цѣлому ряду выше указанныхъ повѣствованій, развившихся на почвѣ общаго вѣрованія въ возможность возвращенія мертвецовъ, обусловленнаго неутѣшной скорбью близкихъ людей. Такой разсказъ самымъ естественнымъ образомъ могъ возникнуть въ любомъ уголкѣ средневѣковой Европы и разъ сюжетъ облеченъ былъ въ художественную форму, ему легко уже было сдѣлаться популярнымъ повсемѣстно, такъ какъ всюду почва для него была приготовлена равномѣрно. И дѣйствительно, въ массѣ вариантовъ изучаемаго сюжета можно замѣтить нѣкоторое сходство литературной обработки, и вотъ

только такое сходство формы и можетъ по моему мнѣнію указывать на заимствованіе разсказа однимъ народомъ отъ другого, тогда какъ основа самого сюжета могла возникнуть въ разныхъ мѣстахъ самостоятельно и независимо, благодаря общности воззрѣній на мертвыхъ съ одной стороны и общечеловѣческой психики съ другой, немирящейся съ мыслью, что любимого человѣка мы теряемъ на всегда и безвозвратно.

а) *Варианты германскіе.*

Чтобы указать первую литературную обработку нашего сюжета, намъ придется перенестись мыслью въ глубокую старину, въ самую даль среднихъ вѣковъ, въ VIII—X столѣтіе нашей эры. Можно предполагать, что въ эту уже пору на далекомъ скандинавскомъ сѣверѣ былъ извѣстенъ разсказъ, попавшій въ собраніе Старшей Эдды, приписываемой Сэмунду, жившему въ половинѣ XI вѣка. Эдда,—что значитъ собственно „прабабушка,“—собрала въ себѣ живыя народныя преданія и здѣсь между прочимъ мы находимъ пѣснь про любовь короля Гельги къ Сигрунѣ. Пѣснь эта является какъ бы апофеозомъ супружеской любви, любовь оказывается здѣсь сильнѣе смерти, продолжаясь за гробомъ, и представляется настоящей, сильной и глубокой любовью, такой, съ какою намъ рѣдко приходится встрѣчаться въ позднѣйшей романической литературѣ. По эпической полнотѣ и чисто гомеровской силѣ выраженія въ описаніи нѣжной и глубокой любви между Гельги и Сигруной, пѣснь эта можетъ съ полнымъ правомъ считаться лучшей во всемъ собраніи Эдды. О Гельги, убійцѣ Гундинга, существуютъ собственно двѣ пѣсни ¹⁾, дополняющія одна другую, а въ общемъ онѣ развиваютъ слѣдующее содержаніе.

¹⁾ Vigfusson, *Corpus poeticon boreale* (1883) производит смѣлую перестановку строкъ въ пѣсняхъ про Гельги и выдѣляетъ три пѣсни, оттѣняя черту перерожденія, которому Гельги подвергается. Очень можетъ быть, что въ этой чертѣ сказалось кельтское вліяніе, такъ какъ среди нихъ господствовало вѣрованіе въ перерожденіе: *D'Arbois de Jubainville, Le cycle mythologique irlandais et la mythologie celtique* (1884), стр. 344 и сл., но съ нашимъ сюжетомъ оно ничего общаго не имѣетъ.

Пѣснь о Гельги и Сигрунъ ¹⁾.

„Было это въ старину, когда вѣщіе орлы пѣли, когда священныя воды падали съ небесныхъ горъ, тогда въ Бралундѣ у Боргильды родился могучій Гельги. Ночная тьма окутывала замокъ, когда пришли норны и назначили судьбу новорожденному, опредѣливъ быть ему славнѣйшимъ между князьями и лучшимъ между королями. Съ любовью глядятъ родители на своего сына, но и тревога наполняетъ ихъ сердце: Сигмундъ, отецъ Гельги, слышитъ разъ, какъ голодный воронъ, сидя на высокомъ деревѣ, говоритъ другому: „знаю я нѣчто; хотя сыну Сигмунда всего одинъ день отъ роду, онъ стоитъ уже въ латахъ, будетъ чему намъ порадоваться, взоръ его сверкаетъ, какъ у бойца, онъ будетъ другомъ волковъ.“ Предчувствуя кровавыя битвы, вороны напередъ уже радуются. Гельги быстро возмужалъ, и когда ему исполнилось 15 зимъ, онъ убилъ Гундинга, долгое время державшаго въ порабощеніи его родину. Сыновья Гундинга поднялись мстить за смерть отца и напали на Гельги; при Логафіѣллъ произошла жаркая битва; волки Одина, бога войны, рыскали по странѣ, чуя кровавую добычу, и Гельги доказалъ, что вороны не даромъ назвали его другомъ волковъ. Всѣ сыновья Гундинга пали въ бою отъ руки Гельги; за нимъ во все время битвы съ облаковъ слѣдила валькирія Сигруна, давно уже любившая молодого героя, не будучи ему извѣстной. И вотъ, когда послѣ битвы усталый Гельги сѣлъ отдохнуть подъ скалой, она, окруженная толпой валькирій въ шлемахъ и латахъ, обрызганныхъ кровью, съ копьями, острія которыхъ сверкали огоньками, спустилась къ нему, прижала его руку къ сердцу и горячо его поцѣловала. Тутъ рассказала Сигруна свою исторію и при-

¹⁾ A. Rassmann Die deutsche Heldensage u. ihre Heimat. 1863, I, стр. 72—89; W. Calaminus Die Liebe des Königs Helgi u. der Walkyrie Sigrun въ Archiv für das Studium der neueren Sprachen u. Litteraturen 1883, LXIX Band, стр. 37—63.

чину, побудившую ее разыскивать Гельги. Она была дочь норвежскаго короля Гёгни и отецъ просваталъ ее за Гёдбродда, сына Гранмара. Но Сигруна не могла терпѣть Гёдбродда и, узнавъ, что тотъ будетъ добиваться ея руки силой, присоединилась къ валькиріямъ и, носясь съ ними по воздуху надъ моремъ, разыскивала Гельги. Король Гельги вѣрно полюбилъ прекрасную и смѣлую валькирію Сигруну и взялся защищать ее противъ ненавистнаго Гёдбродда, сына Гранмара и противъ отца ея, Гёгни. Въ жестокой битвѣ пали всѣ сыновья Гранмара, погибъ и отецъ Сигруны, Гёгни, остался въ живыхъ лишь сынъ послѣдняго имени — Дагъ. Такова предварительная судьба Гельги и Сигруны и теперь собственно начинается разсказъ наиболѣе насъ интересующій.

Гельги женился на Сигрунѣ и у нихъ были сыновья. Гельги былъ еще не старъ, какъ Дагъ, желая отомстить за смерть отца, принесъ Одну жертву и получилъ отъ него копье; разъ встрѣтивъ Гельги, онъ поразилъ его этимъ копьемъ на смерть и отправился въ Севафіёлль сообщить сестрѣ своей, Сигрунѣ, о случившемся. „Тяжело мнѣ, сестра, оповѣстить тебя о твоёмъ горѣ, но я принужденъ былъ повергнуть тебя въ слезы: сегодня погибъ лучший въ мірѣ король, гроза воителей.“ Въ отвѣтъ на эту печальную вѣсть Сигруна проклинаетъ брата: „пусть снѣдаютъ тебя и въ подземномъ царствѣ тѣ клятвы, что ты давалъ Гельги; пусть не двинется подъ тобою корабль, хотя бы дулъ и попутный вѣтеръ; пусть стоитъ вкопаннымъ твой конь, когда придется тебѣ убѣгать предъ врагомъ; пусть не рубить твой мечъ, когда станешь ты наносить имъ удары, но пусть онъ обрушится на твою голову. Тогда только смерть Гельги была-бы вполне отомщена, когда бы ты волкомъ сталъ рыскать по лѣсу, лишенный крова и всякой радости, и когда бы ты съ голоду сталъ глотать трупы.“ „Только Одинъ виновенъ въ томъ, что поселилъ раздоръ среди родныхъ, отвѣчалъ Дагъ, а я предлагаю тебѣ въ видѣ пени золотыя кольца и полцарства.“ „Не весело мнѣ въ Севафіёллѣ,“ отвѣчала Сигруна; ни днемъ, ни ночью не радуюсь я жизни, если не появится свѣтъ на могилѣ короля, если не побѣжитъ его конь въ золотыхъ удилахъ и если не удастся

миѣ обнять повелителя.“ По обычаю предковъ надъ Гельги насыпанъ былъ курганъ; Сигруна неутѣшна, она плачетъ день и ночь и надѣется увидѣть еще короля. Съ этой цѣлью посылаетъ она каждый вечеръ служанку къ могилѣ Гельги, и вотъ разъ около полуночи служанка замѣтила, что погибшій герой, окруженный многочисленной дружиной, подъѣзжаетъ къ холму. „Что это, привидѣніе,“ спросила она, „или же настало свѣтопреставленіе. Я вижу, какъ мертвые мужи ѣдутъ, пришпоривая своихъ коней; или, быть можетъ, воителямъ дозволено возвращаться на землю?“ „Не привидѣніе это и не свѣтопреставленіе, отвѣчалъ Гельги, но намъ дѣйствительно разрѣшено посѣтить землю.“ Побѣжала домой служанка и сказала: „выходи поскорѣе, Сигруна, если хочешь видѣть вождя народа; могила раскрылась и Гельги пришелъ; его раны сочатся кровью, и онъ проситъ тебя унять кровавыя капли.“ Сигруна поспѣшила на холмъ къ Гельги, бросилась къ нему на шею и сказала: „я такъ рада нашей встрѣчѣ, какъ радуются жаждущіе добычи вороны Одина, чуя свѣжую кровь или привѣтствуя восходящій день; я поцѣлую тебя, не дожидаясь, пока ты сбросишь окровавленный панцырь. Волосы твои, Гельги, покрыты инеемъ, ты весь залитъ кровью и руки твои холодны, какъ ледъ.“ *„Одна ты, Сигруна,—отвѣчалъ Гельги,—виновна въ томъ, что съ меня струится кровь; ты каждую ночь, засыпая, проливаешь по мнѣ горючія слезы, и каждая изъ нихъ кровавой каплей падаетъ на мою грудь, влажнохолодную, зарытую въ землю, тоской удрученную; хотя и зіяютъ на груди моей раны, но пусть никто не оплакиваетъ моей смерти.“* Въ могильномъ холмѣ приготовила Сигруна постель и сказала: „здѣсь устроила я тебѣ, Гельги, покойное ложе и буду спать на твоей груди, подобно тому какъ это бывало при жизни.“ „Отнынѣ ничего нѣтъ невѣроятнаго въ Севафіёллѣ, отвѣчалъ Гельги, съ тѣхъ поръ, какъ ты, прекрасная дочь Гѣгни, спишь въ могильномъ холмѣ въ объятіяхъ мертвеца, а межъ тѣмъ сама ты, королевна, жива!“ Начинало уже свѣтать, и Гельги сказалъ: „пора возвращаться миѣ по этимъ багрянымъ путямъ (= занимающаяся заря), пора направить чалаго воя на воздушный мостъ (= радуга); къ западу отъ него долженъ я нахо-

даться, прежде чѣмъ запоетъ въ Вальгаллѣ пѣтухъ.“ Простился Гельги съ Сигруной и поѣхалъ съ дружиной въ Вальгаллу къ Одиному, а Сигруна пошла домой. На слѣдующій вечеръ послала она опять въ могилѣ служанку посмотреть, не придетъ-ли Гельги, но его не было; при закатѣ солнца идетъ она сама въ холму и напрасно ждетъ милаго супруга; она тоскуетъ, но не плачетъ больше, чтобы не тревожить покоя мертваго и не нарушать его блаженной жизни въ Вальгаллѣ. Не долго жила послѣ этого Сигруна, она умерла отъ тоски и печали по мужѣ, съ которымъ соединилась въ свѣтлой Вальгаллѣ.

Въ такомъ видѣ сохранился до нашего времени разсматриваемый литературный сюжетъ въ древнѣйшей изъ всѣхъ европейскихъ переработокъ его, именно скандинавской. Правда, намекъ на этотъ сюжетъ можно отыскать еще далѣе въ глубинѣ вѣковъ, но онъ остался недоразвитымъ, неразработаннымъ. Мы имѣемъ въ виду извѣстный мифъ, связанный съ именемъ героя Иліады, Протезилая. Въ первый разъ намекъ на этотъ мифъ встрѣчается въ Иліадѣ ¹⁾. Когда греки высаживались на троянскій берегъ, рассказывается здѣсь, Протезилай, правитель фтіотійскій выскочилъ изъ своего корабля первымъ на сушу и палъ въ борьбѣ съ троянцами, а вдова его съ горя до крови изранила себѣ лице. Въ эпической поэмѣ „Τὰ κήρυκα ἐπη“ рассказъ этотъ передается иначе: молодой герой падаетъ отъ руки Гектора, а супруга его, называемая здѣсь Полидорой, не желая пережить мужа, убиваетъ себя. Трагики и, повидимому, александрійскіе писатели развиваютъ этотъ мифъ еще далѣе, обставляя его чертами нѣжной и трогательной любви. По ихъ передачѣ послѣ ухода Протезилая подѣ Трою юная жена его, Лаодамія, мучится зловѣщими предчувствіями и недобрыми снами. Узнавъ о смерти мужа, она проситъ боговъ возвратить его ей хотя бы на короткое время. Боги услышали ея просьбу и Гермесъ выводитъ Протезилая изъ подземнаго царства, но спустя одинъ день,

¹⁾ Homer. *Ilias*, II, 700. Главныя мѣста у позднѣйшихъ писателей: Lucian. *diab. mort.* 23, I; Hygin. *fab.* 103; Ovid. *Met.* II, 67. *Heroid.* XIII; Propert. I, 19, 7; Philostr. *Heroic.* I, 4; Eustath. p. 325, 24 (*Ilias*).

а по другимъ версіямъ всего три часа, молодые супруги должны разстаться, послѣ чего Лаодамія лишаетъ себя жизни.

Сцена возвращенія Протезилая изъ царства тѣней воспроизведена на двухъ саркофагахъ, сохранившихся до нашего времени отъ періода позднѣйшаго римскаго искусства. Пластическая композиція передаетъ миѳъ на основаніи позднѣйшей поэтической переработки сюжета, быть можетъ, въ трагедіи Эврипида ¹⁾ и представляетъ позади главнаго дѣйствія комнату, гдѣ Лаодамія мучилась зловѣщими снами, небольшой алтарь, на которомъ приносилась жертва и совершались заклинанія, заставившія умершаго явиться изъ Гадеса ²⁾. Но въ главномъ дѣйствіи на барельефѣ Лаодамія уже не занята всѣмъ этимъ: она представлена въ тотъ моментъ, когда появляется Протезилай, выводимый изъ двери Гадеса Гермесомъ, и она падаетъ подъ наплывомъ внезапныхъ чувствъ ужаса и радости на землю, поддерживаемая старой няней.

Какъ бы однако ни былъ сжатъ и затемненъ этотъ древнегреческій миѳъ, онъ все таки напоминаетъ намъ мотивъ скандинавской саги про Гельги и Сигруну и общность демо-психологической основы ихъ отрицать невозможно, хотя ставить ихъ въ генетическую связь между собою, я, по крайней мѣрѣ, не рѣшаюсь за отсутствіемъ посредствующихъ звеньевъ. Характерной особенностью скандинавской саги служитъ между прочимъ то обстоятельство, что Гельги проситъ жену не оплакивать его: слезы падаютъ на его грудь кровавыми каплями и, конечно, тревожатъ покой умершаго, какъ это мы видѣли уже раньше и, вѣроятно, слезы и скорбь Сигруны и заставляютъ мертвеца возвратиться изъ царства тѣней, хотя черта эта и недостаточно ясно развита въ сагѣ. Гораздо опредѣленнѣе выставляется такое побужденіе для появленія мертвеца въ слѣдующей *шведской* народной пѣснѣ — „*Macht des Kummer*“ ³⁾.

¹⁾ M. Mayer, Der Protesilaos des Euripides въ Hermes. Zeitschrift für classische Philologie, XX (1885), стр. 101—143.

²⁾ A. Baumeister, Denkmäler des klassischen Altertums, III (1888), стр. 1422.

³⁾ Mohnike, Op. cit. стр. 39; Geiger och Afzelius, Op. cit. стр. 29 и. 30.

„Маленькая Кристель съ матерью положили золото на гробницу; маленькая Кристель вызвала слезами своего жениха изъ могилы. Онъ стучится къ ней въ дверь: „вставай, Кристель, ипусти меня.“ „Я ни съ кѣмъ не обручена и ночью никого къ себѣ не впускаю.“ „Вставай, Кристель, отодвинь засовы, я тотъ юноша, котораго ты когда-то любила.“ Дѣвушка встаетъ и поспѣшно открываетъ дверь, она сажаетъ его на золоченный стулъ и умываетъ ему ноги прозрачнымъ виномъ. Они ложатся въ постель и, нѣжно болтая, всю ночь проводятъ безъ сна. Но вотъ запѣли пѣтухи и мертвые должны возвращаться къ себѣ. Тотчасъ же встаетъ и дѣвушка, обувается и слѣдуетъ за своимъ возлюбленнымъ черезъ темный лѣсъ. Когда она подошла къ кладбищу, золотистые волосы юноши потускнѣли и онъ исчезъ изъ глазъ дѣвушки, сказавъ: „смотри, моя милая, какъ чудно свѣтитъ мѣсяцъ!“ Дѣвушка опустила на его могилу, говоря: „здѣсь буду сидѣть я, пока Господь призоветъ меня къ себѣ,“ а ей въ отвѣтъ проговорилъ мертвый: „иди домой, маленькая Кристель, не тревожь меня; всякій разъ, что ты плачешь на моей могилѣ, мой гробъ наполняется кровью, а когда твое сердце радуется, моя могила усыпается розами.“

Подобная же баллада *датская* носить заглавіе „*Der Ritter Aage und Jungfrau Else* ¹⁾ и относится къ XVI столѣтію. Содержаніе ея таково:

Рыцарь Ааге отправился на далекій островъ и высваталъ себѣ прекрасную дѣвицу, Эльсу, а спустя мѣсяцъ онъ лежалъ уже въ черной землѣ. Сердце Эльсы разрывалось отъ печали и это чувствовалъ рыцарь Ааге, лежа глубоко въ черной землѣ. Онъ взялъ на спину свой гробъ и не твердой поступью направился къ ея комнатѣ, хотя это ему и было тяжело. Онъ сту-

¹⁾ Sandvig, Levninger af Mittelalderens Digtekunst. Копенгагенъ, (1780). Баллада заимствована издателемъ изъ стараго кодекса, перепечатана затѣмъ у Rahbeck, Kjempe Visebog. Копенг. 1810. u Udvalgte danske Viser af Nyerup, I, 210—217. Переводъ ея W. Grimm. Aelsdänische Heldenlieder. Heidelberg 1811, стр. 73; Uhland's Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage. 1868, VII, стр. 416.

чить гробомъ въ ея дверь: „послушай, Эльса, отвори твоему жениху!“ „Я не открою тебѣ, отвѣчала она, пока ты не призовешь имени Христа, какъ это дѣлалъ ты прежде.“

Въ этомъ мѣстѣ въ датской балладѣ несомнѣнно является пропускъ, такъ какъ она не говоритъ ничего о томъ, какъ Эльса выпускаетъ къ себѣ своего мертваго жениха и какъ они затѣмъ проводятъ время вмѣстѣ; точно также и конецъ баллады скомканъ и умалчиваетъ о ночномъ посѣщеніи дѣвушкой кладбища, на которомъ мертвецъ спускается въ свою могилу. Поэтому ходъ разсказа въ балладѣ не послѣдователенъ и крайне сжатъ. На выше приведенныя слова дѣвушки мертвецъ говоритъ:

„Всякій разъ, какъ ты радуешься, мой гробъ наполняется розами, а когда ты горюешь, онъ бываетъ полонъ крови. Вотъ поетъ красный пѣтухъ, мнѣ пора въ могилу, а ты смотри на небо, какъ медленно будетъ исчезать ночь.“ Мертвецъ скрылся въ могилѣ, а Эльса вернулась домой, ея сердце разрывалось отъ горя и черезъ мѣсяцъ она лежала въ черной землѣ.

Существуетъ и *англійская* баллада подходящаго содержанія, но она въ такой мѣрѣ измѣнена уже въ новомъ духѣ, что не даетъ ни малѣйшаго намека на первоначальную основу произведенія, которое, по всей вѣроятности, должно было совпадать съ пѣснями шведской и датской. Баллада эта „*Sweet William's Ghost*“ ¹⁾ развивается въ такомъ видѣ:

Къ дверямъ Маргариты явился духъ и съ жалобнымъ стономъ хватался за замокъ. „Ты-ль это отецъ мой Филиппъ, или братъ Джонъ, или это ты, Уилли, мой возлюбленный, вернулся домой изъ Шотландіи?“ „Я не отецъ твой и не братъ, а я въ самомъ дѣлѣ твой Уилли. Маргарита, моя дорогая, я пришелъ затѣмъ, чтобы ты возвратила мнѣ мое слово, данное тебѣ.“ „Я никогда не возвращу тебѣ твоей свободы; войди лучше ко мнѣ и расцѣлуй меня.“ „Еслибъ я вошелъ къ тебѣ и поцѣловалъ тебя въ твои розовыя уста, дни твои были бы сочтены, такъ какъ я уже не живой человѣкъ; освободи меня, Маргарита, отъ

¹⁾ J. Child, Op. cit. III, стр. 226.

обѣщаній, которыми я клялся тебѣ.“ „Я не верну тебѣ твоего слова, я хочу, чтобы ты повелъ меня въ церковь и тамъ обвѣнчался со мною.“ „Но, Маргарита, мои кости похоронены на кладбищѣ далеко за моремъ, и лишь мой духъ теперь бесѣдуетъ съ тобою.“ Она протянула свои блѣдныя руки и сказала: „ты свободенъ, мой Уилли; да пошлетъ Господь полное успокоеніе твоей душѣ.“ Маргарита одѣлась и въ темную зимнюю ночь послѣдовала за мертвецомъ. „Найдется ли, Уилли, мѣсто возлѣ тебя, куда бы я могла лечь?“ „Нѣтъ, Маргарита, мой гробъ узокъ, въ немъ не найдется для тебя мѣста ни съ боку, ни въ головахъ, ни въ ногахъ.“ Вдругъ заплѣлъ красный пѣтухъ, ему вторить и сѣрый. „Маргарита, время, время тебѣ уходитъ.“ Это были послѣднія слова мертвеца къ Маргаритѣ, и съ жалобнымъ стономъ онъ скрылся въ туманѣ. „Останься со мной, мой милый, не покидай меня, вскричала вѣрная Маргарита, и вдругъ щеки ея поблѣднѣли, взоръ померкъ, и она упала мертвой.

Такова одна группа пѣсенъ о возвращеніи мертваго жениха, вызываемаго изъ могилы горькой тоской оставшейся въ одиночествѣ невѣсты. Къ этой группѣ примыкаетъ цѣлый рядъ родственныхъ произведеній, отличающихся отъ первыхъ лишь тѣмъ, что здѣсь нѣкоторыя подробности получаютъ особое развитіе: въ нихъ видную роль играетъ обстановка, при которой мертвецъ везетъ къ себѣ свою живую невѣсту. Отзвуки такой обстановки находимъ въ слѣдующей старой бретонской балладѣ „*Молочный братъ*“—*Ag breiz mager* ¹⁾:

„Юная Гвеннолаикъ во всей странѣ славилась своей красотой. Мать ея, двѣ сестры и отецъ умерли, осталась одна ма-чиха и молочный братъ, ушедшій въ море на своемъ кораблѣ. Юноша былъ ея единственнымъ утѣшеніемъ на землѣ: „гдѣ же онъ теперь, что медлитъ своимъ возвращеніемъ?“ думаетъ дѣвушка и тщетно ищетъ своимъ взоромъ, не появится ли на морѣ корабль, ушедшій шесть лѣтъ тому назадъ. Разъ дѣвушка чер-

¹⁾ De la Villemarqué, Barzaz-Breiz, Chants populaires de la Bretagne. Paris, 1845, I, p. 271. A. Elissen, Polygl. der europ. Poesie, стр. 61; H. P r ö h l e, G. A. Bürger. Lpz. 1856, стр. 83.

пала воду изъ колодца, ночь была темна, волны мрачны, на лошади вдругъ появляется молодой рыцарь; онъ привѣтствуетъ дѣвушку, даетъ ей кольцо и говоритъ, что онъ раненъ въ битвѣ при Нантѣ, но черезъ три недѣли и три дня рана его закроется и онъ явится за своей невѣстой. Рассмотрѣвъ дома кольцо, дѣвушка узнала въ немъ золотой перстень ея молочнаго брата. Прошли три недѣли, о рыцарѣ ничего не слышно, а между тѣмъ мачиха собирается отдать дѣвушку замужъ за конюха и черезъ три дня должна быть свадьба. Между тѣмъ распространяется вѣсть, что рыцарь, раненный при Нантѣ, умеръ и его хоронятъ въ могилѣ при бѣлой церкви. Съ похоронъ возвращается дѣвушка домой, она безутѣшна, ни одно сердце не остается безучастнымъ къ ея горю, священники и всѣ присутствующіе плачутъ и раздѣляютъ ея скорбь. Одна мачиха равнодушна и справляетъ свадьбу; но когда молодыхъ должны были оставить однихъ, дѣвушка бросила отъ себя вѣнчальное кольцо, разорвала свадебный вуаль, съ распущенными волосами выбѣжала изъ дома и скрылась неизвѣстно гдѣ. Въ домѣ погасли огни, всѣ уже спали, безъ сна сидѣла лишь бѣдная дѣвушка, какъ вдругъ раздался стукъ: „это я, Нола,пусти своего молочнаго брата!“ Дѣвушка проворно вскочила на бѣлаго коня и, крѣпко обхвативъ правой рукой своего брата, быстро помчалась впередъ. „Какъ быстро летимъ мы! уже сто миль осталось за нами; я такъ счастлива, какъ никогда мнѣ и не думалось! Далеко-ли до твоей матери? съ какой радостью явлюсь я къ ней!“ „Держись покрѣпче за меня, сестра; мы уже близки къ цѣли.“ Совы съ крикомъ взлетали предъ ними въ ночной темнотѣ и дикий звѣрь съ ужасомъ уступалъ имъ дорогу. „Какъ послушенъ твой конь, какъ сверкаетъ твое оружіе! Какъ похорошелъ ты самъ! А что, мы все еще не дома?“ „Держись покрѣпче за меня, сестра; мы уже близки къ цѣли.“ „Какъ холодно твое сердце, какъ влажны твои волосы! рука твоя оцѣпенѣла, не замерзаешь-ли ты, братецъ?“ „Держись покрѣпче за меня, сестра, мы уже дома; слышишь радостные крики свадьбы, пѣніе и музыку?“ Онъ не успѣлъ еще кончить своей рѣчи, какъ конь остановился подъ нимъ и громко заржалъ. Они были на прелестномъ островѣ, много юношей и дѣвушекъ водили весе-

лые хороводы, тѣнистыя деревья стояли увѣшанныя розовыми яблочками, вдали надъ горными вершинами поднималось солнце; прозрачный ручеекъ, журча, пробивался впередъ и всѣ души наслаждались здѣсь свѣжестью жизни. Гвеннола увидѣла здѣсь свою мать и сестеръ, крики радости и пѣсни наполняли воздухъ.“

Очевидно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ народнымъ произведеніемъ, но съ литературнымъ, усвоившимъ себѣ тему, которая слышится и въ отрывкѣ англійской баллады „*The Suffolk miracle*.“ Отрывекъ этого не находимъ почему-то въ монументальномъ изданіи англійскихъ балладъ Чайльда, а смыслъ его таковъ ¹⁾:

Когда дѣвушка сѣла позади своего возлюбленнаго, они помчались подобно вѣтру, такъ что въ два часа или не много болѣе онъ привезъ ее къ воротамъ ея отца. Онъ жаловался, что отъ быстрой ѣзды у него разболѣлась голова; она вынула свой платокъ и повязала имъ его голову. И при этомъ сказала ему: ты холоденъ, какъ трупъ; пріѣхавши, мы разведемъ огонь. Она далека была отъ мысли, что онъ везъ ее къ своей могилѣ.

Такимъ образомъ какъ въ Бретаніи, такъ и въ Англии, повидимому, вращался въ народѣ рассказъ о томъ, какъ мертвый женихъ мчитъ на конѣ тосковавшую невѣсту къ своей могилѣ, но сюжетъ этотъ, должно быть, былъ занесенъ сюда извнѣ, переработанъ и осложненъ новыми подробностями, какъ это мы видѣли въ бретонской балладѣ. Тѣмъ не менѣе для насъ интересно наблюдать, что и въ забытомъ сюжетѣ удержалась черта, характеризующая всю группу нашихъ рассказовъ, именно та, какъ мертвецъ везетъ на конѣ свою невѣсту и они обмѣниваются вопросами и отвѣтами.

Въ болѣе цѣльномъ видѣ рассказъ о женихѣ-мертвецѣ сохранился въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ культурныхъ центровъ, тамъ, гдѣ жизнь течетъ медленнѣе, гдѣ старина устойчивѣе и гдѣ народное творчество не такъ сильно уступаетъ подъ напоромъ искусственной поэзіи, какъ въ странахъ передовыхъ. Вотъ по-

¹⁾ Collection of old Ballads. London. 1723; Motherwell, Minstrelsy Ancient and Modern. Glasgow, 1827. Pröhle, G. A. Bürger Lpz. 1856, стр. 103.

этому мы и находимъ нашъ разсказъ въ болѣе примитивной формѣ въ отдаленной Исландіи ¹⁾).

„Молодой человѣкъ общалъ своей возлюбленной прѣхать за нею въ вечеръ наканунѣ Пасхи, съ тѣмъ чтобы сопроводить ее въ церковь къ Свѣтлой заутренѣ. Когда пришло время, онъ и пустился въ путь; въ дорогѣ ему пришлось переѣзжать черезъ сильно вздувшійся ручей, и вотъ лошадь его испугалась при видѣ мимо мчавшихся глыбъ и упала; спасая себя и своего коня, юноша былъ раненъ въ затылокъ острой ледяной глыбой и тотчасъ же умеръ. Долго ждетъ дѣвушка своего возлюбленного, наконецъ поздно ночью является всадникъ, сажаетъ позади себя на лошадь дѣвушку и ѣдетъ съ нею къ церкви. По дорогѣ онъ обращается къ ней и говоритъ: *„Мыслишь плыветъ, мертвый ѣдетъ; развѣ ты не видишь бѣлаго пятна на моемъ затылкѣ, Гарунъ, Гарунъ?“* Дѣвушка становится страшно, но она ѣдетъ далѣе до самой церкви. Здѣсь останавливается ѣдокъ и говоритъ: „обожди меня здѣсь, Гарунъ, пока я выведу коня, Фахі за заборъ.“ При этихъ словахъ дѣвушка падаетъ въ безчувственномъ состояніи; къ счастью могила, у которой она стояла, находилась у самыхъ входныхъ воротъ, на которыхъ обыкновенно висятъ колокола; и вотъ дѣвушка, падая схватилась за веревку, привязанную къ колоколу, потянула ее и зазвонила; отъ колокольнаго звона мертвецъ исчезъ и дѣвушка, благодаря этому, спаслась.“

Такимъ образомъ разсказъ о мертвомъ женихѣ разработанъ въ Исландіи по своему и поставленъ въ обстановку чисто мѣстныхъ условій, какъ поѣздка поздней ночью въ отдаленную церковь къ обѣднѣ, трудная переправа черезъ бурный потокъ, мчавшій ледяныя глыбы, кладбищенскія ворота съ висящими на нихъ колоколами, имя дѣвушки Гарунъ (Гуарунъ) и только стихи, сохранившіеся въ разсказѣ:

Mánnin lidr, dauðinn ríðr;
Sér þú ekki hvítan blett i hnákka mínum? Garún, Garún!

т. е. мѣсяцъ скользитъ, мертвецъ ѣдетъ, развѣ ты не ви-

¹⁾ К. Maurer, Isländische Volkssagen der Gegenwart. Leipzig, 1860, стр. 73.

дишь бѣлаго пятна на моемъ затылкѣ, Гарунъ, Гарунъ? указываютъ на то, что въ основѣ этого разсказа лежитъ древняя пѣсня, забытая уже въ Исландіи, распространенная когда-то въ центральной Европѣ и удержавшаяся еще среди нѣмцевъ и словинцевъ въ уединенныхъ горныхъ долинахъ Крайны, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ пѣсня эта разложилась въ сказку, хотя Rahbeck ¹⁾ припоминаетъ, что существовала и датская пѣсня, въ которой было троестіише:

Maanen skinner, т. е. Мѣсяцъ свѣтитъ, .
 Dødmænd griner, „ Мертвецъ ѣдетъ,
 Vorde du ikke ræd? „ Не страшно ли тебѣ?

Изъ такихъ сказокъ, сохранившихъ еще слѣды прежняго пѣсеннаго склада, я укажу прежде всего на сказку, записанную въ нижней Германіи подъ заглавіемъ „*De Doet de ritt so snell*“ ²⁾:

„Жила-была веселая молодая дѣвушка по имени Гретхенъ, у нея былъ женихъ, Гансъ, и они крѣпко любили другъ друга. Но вотъ Гансъ заболѣлъ и умеръ, и его снесли на кладбище. Гретхенъ никакъ не могла утѣшиться, цѣлый длинный день она горевала, а когда наступилъ вечеръ, пошла и сѣла на могилу и проплакала всю ночь. Наконецъ, на третью ночь, когда она снова тамъ сидѣла, къ ней подѣхалъ всадникъ и спросилъ ее: „хочешь-ли ты со мною ѣхать?“ Гретхенъ подняла глаза и тотчасъ же узнала, что это былъ ея Гансъ. „Да, отвѣтила она, я поѣду съ тобою, куда ты хочешь;“ при этомъ она сѣла къ нему на лошадь, и они помчались въ даль. Когда они отѣхали уже довольно далеко, Гансъ говоритъ:

„De Maen de schynt so hell,
 De Doet de ritt so snell:
 Myn Greetjen, gruet dy ni' ?”

„Нѣтъ, Гансъ, чего же мнѣ бояться? вѣдь я съ тобою.“ Они помчались впередъ быстрѣе прежняго, Гретхенъ крѣпко держалась за своего спутника. Когда мертвый по прежнему спросилъ ее, „не страшно-ли ей,“ ей стало жутко, а въ третій

¹⁾ Rahbeck, Kjempe Visebog. Копенгагенъ 1810; W. Grimm, Altdänische Heldenlieder....., стр. 506.

²⁾ K. Müllenhoff, Sagen, Märchen u. Lieder der Herzogthümer Schleswig-Holstein u. Lauenburg. Kiel 1845, стр. 164.

разъ она отъ страху ничего не могла сказать. Въ этотъ моментъ конь вихремъ закружился на мѣстѣ, и все исчезло.“ Разсказъ этотъ, очевидно, испорченъ, въ немъ не видно, откуда появляется на конѣ умершій Гансъ, и куда онъ мчитъ свою возлюбленную, которая плакала на его могилѣ. Гораздо логичнѣе и естественнѣе передается ходъ дѣйствія въ разсказѣ, извѣстномъ издавна въ Мекленбургѣ и Ганноверѣ ¹⁾, сущность котораго приблизительно такова:

„Молодой человѣкъ идетъ солдатомъ на войну и тамъ погибаетъ, а затѣмъ ночью является къ дому своей милой и осторожно стучитъ въ дверь. Она спрашиваетъ, кто тамъ? „Dun Lēf is dāg,“ отвѣчаетъ онъ. Дѣвушка выходитъ и садится позади своего возлюбленнаго на лошадь, и они мчатся быстрымъ галопомъ впередъ. Мертвецъ, обращаясь къ дѣвушкѣ, говоритъ:

„De Mond de schynt so helle,
De Doden ryet so snelle.
Fyns Lēfken, gruwelt dy ok.“

На это она отвѣчаетъ: „Wat schol my gruweln! du büst ja by my!“ Наконецъ они пріѣзжаютъ на кладбище, могилы раскрываются, лошадь и всадникъ исчезаютъ въ могилѣ, а дѣвушка остается одна въ темнотѣ ночи.“

Существованіе такого разсказа въ народѣ въ нижней Германіи засвидѣтельствовано достовѣрными очевидцами изъ періода предшествовавшаго появленію Лены Бюргера, такъ что, несомнѣнно, заявленіе Бюргера, будто идею для своей баллады онъ позаимствовалъ изъ ниже-нѣмецкой пѣсни, случайно имъ слышанной, имѣло въ виду вышеприведенный разсказъ, хотя быть можетъ и въ нижней Германіи вращалась мѣстами въ народѣ пѣсня въ родѣ той, какою мы находимъ на противоположномъ концѣ германскаго міра, въ Крайнѣ, въ окрестностяхъ Готтше ²⁾.

¹⁾ Hoffmann von Fallersleben въ Altdeutsche Blätter, I (1835 — 1836), стр. 202 — 204; W. Wackernagel Kleinere Schriften. Leipz. 1873, II, стр. 426.

²⁾ Schröder, Ein Ausflug nach Gottschee. Beitrag zur Erforschung der Gottschewer Mundart. Въ Sitzungsberichte der Phil.-Histor. Classe d. K. Akademie d. Wissenschaft, Bnd, 60 (1868) стр. 165—292.

Извѣстна еще пѣсенка изъ Австрійской Силезіи¹⁾ „*Der todtie Bräutigam*“, но она является лишь отдаленнымъ отзвукомъ разбитаго сюжета, что не трудно замѣтить изъ ея содержанія. „Дома-ли ты, моя милая, спрашиваетъ юноша, отерой мнѣ окно“. „Нѣтъ, я не встану и не подойду къ окну, я не знаю кто ты“. „Пойди къ окну, быть можетъ, и узнаешь меня“. Она подошла и воскликнула: „великій Боже, я не знаю, всталъ-ли ты изъ земли, или же ты сама смерть!“ „Да, я всталъ изъ земли, такъ какъ давно въ ней лежу: вчера исполнилось уже восемь лѣтъ, что я умеръ. Разбуди поскорѣе отца и мать, разбуди въ домѣ людей, разбуди поскорѣе братьевъ и сестеръ, твой женихъ стоитъ уже готовымъ“. Они украсили невѣсту рутовымъ вѣнкомъ, перевитымъ зеленымъ шелкомъ, его она будетъ носить на небѣ. Когда зазвонили въ первый разъ, она приняла св. причастіе и когда зазвонили во второй разъ, она умерла. Такъ умерли оба, обнявши другъ друга, самъ Богъ соединилъ ихъ на вѣки“.

По большой части однако сюжетъ о женихѣ-мертвецѣ встрѣчается въ формѣ сказки, такъ какъ въ такомъ видѣ ему легче было переходить отъ народа къ народу, стоило лишь запомнить ходъ дѣйствія и передача его готова. Одна изъ такихъ сказокъ записана въ окрестностяхъ Офена въ Венгріи школьнымъ учителемъ Стодолой и сообщена подъ заглавіемъ „*Wie reiten die Toten so schnell*“²⁾ съ такимъ содержаніемъ:

„У одной дѣвушки былъ возлюбленный, за котораго она собиралась выйти замужъ, но вдругъ ему пришлось отлучиться и вотъ прощаясь, онъ обѣщалъ ей писать, а если будетъ возможно, то и навѣститъ ее. Однако проходитъ годъ за годомъ, а онъ ни письма не шлетъ, ни самъ не является, и дѣвушка становилась все печальнѣе и печальнѣе. Однажды сидѣла она и плакала, слезы ея увидала одна старуха и спросила, о чемъ та плачетъ. „Ахъ, оставь меня въ покоѣ, ты не можешь помочь мнѣ“, сказала дѣвушка. Но старуха не отставала отъ нея до

¹⁾ Anton Peter. Volkstümliches aus Oesttorreich-Schlesien. Troppau 1865; стр. 199.

²⁾ Ethnologische Mittheilungen aus Ungarn. Zeitschrift für die Volkskunde der Bewohner Ungarns und seiner Nebenländer. Herausg. v. Ant. Hermann. Budapest 1889, III; стр. 341—42.

тѣхъ поръ, пока не узнала причину ея горя. „Ну если дѣло только въ этомъ, то ты еще сегодня увидишь своего милаго. Пойди въ свою комнату и оставайся тамъ, пока я тебя не позову, онъ явится, хотя бы былъ мертвъ“. Между тѣмъ старуха ушла въ кухню и въ большомъ горшкѣ начала варить какое-то снадобье, а была она вѣдьма, и вотъ черезъ нѣкоторое время кто-то постучалъ въ окно и раздался голосъ: „здѣсь ли ты, моя милая, выйди ко мнѣ“. Дѣвушка, сидѣвшая въ это время за печкой, спрашиваетъ старуху: „что, это уже онъ?“ Выйдя изъ дому, она увидѣла коня, а на немъ всадника въ бѣломъ одѣяніи. Въ немъ она узнала своего жениха, сѣла къ нему на лошадь, крѣпко схватилась за него, и вдругъ конь помчался. Долго ѣхала она такъ, наконецъ, сказала: „какъ ярко свѣтитъ мѣсяцъ“, „да“, отвѣчаетъ онъ, и мертвые не имѣютъ покоя“. Тутъ только она замѣтила, какъ блѣденъ онъ былъ и холоденъ. „Какъ ярко свѣтитъ мѣсяцъ“ вторично говоритъ дѣвушка, и „какъ быстро ѣдутъ мертвые“, прибавляетъ ея спутникъ; „дитя, не страшно ли тебѣ?“ „Нѣтъ, такъ какъ Богъ и ты со мной“. Но тутъ дѣйствительно ей стало страшно, а онъ еще крѣпче прижалъ ее къ себѣ. Такимъ образомъ они примчались къ высокой стѣнѣ, онъ слѣзъ съ лошади, приказалъ дѣвушкѣ немного обождать, а самъ вошелъ въ желѣзные ворота. Лошадь мгновенно исчезла, а дѣвушка увидѣла себя окруженной крестами, тутъ она догадалась, что женихъ ея дѣйствительно мертвецъ и привезъ ее на кладбище, ею овладѣлъ ужасъ и она бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ. Вдругъ она увидала огонекъ и направилась въ его сторону, это была маленькая хижина, въ которой жилъ отшельникъ. Она просила его ради Христа впустить ее и больше никого не принимать. Едва она успѣла спрятаться въ углу за печкой, какъ кто-то постучалъ въ окно: „ей старикъ, отвори скорѣе“, но тотъ не повиновался. „Если ты, старикъ, не хочешь впустить меня, то встань ты, мертвецъ и отвори дверь мертвецу“. Въ самомъ дѣлѣ посрединѣ хижины лежалъ мертвецъ: это былъ бродяга, зашедшій сюда на ночь и здѣсь внезапно умершій. Дѣвушка и не замѣтила его раньше. И вотъ мертвецъ сталъ медленно подниматься, онъ подошелъ уже къ двери, но въ эту минуту запылъ пѣтухъ и мертвый грохнулся на землю, а же-

нихъ крикнулъ дѣвушкѣ: „твое счастье, а то бы ты узнала, что значить беспокоить мертвыхъ“. Съ этими словами онъ исчезъ, и дѣвушка такимъ образомъ спаслась.

И такъ всѣ варианты рассказа о женихѣ-мертвецѣ, распространенные среди германскихъ народовъ, близки между собою и безъ сомнѣнія восходятъ къ одному первоисточнику, возникшему на почвѣ средневѣковаго вѣрованія, нашедшаго свое выраженіе во множествѣ повѣствованій о томъ, какъ мертвые появляются изъ могилъ, тревожимые скорбью близкихъ людей. Такихъ рассказовъ, какъ мы видѣли, вращается и понынѣ еще многое множество въ разныхъ странахъ Европы, они, конечно могли возникать независимо другъ отъ друга, но изводы нашего сюжета такъ близки между собою самыми подробностями изложенія, что не видѣть ихъ генетической связи не представляется никакой возможности. Въ несомнѣнной связи съ германскими вариантами стоятъ рассказы славянскіе, къ которымъ мы теперь и переходимъ.

в) *Варианты славянскіе.*

Среди славянскихъ народовъ сюжетъ о женихѣ-мертвецѣ нашелъ широкое распространеніе, такъ что поэтическую обработку его съ легкими измѣненіями можно встрѣтить въ поэзіи каждаго славянскаго племени. Между прочимъ у *Лужицкихъ сербовъ*, ближайшихъ¹⁾ сосѣдей нѣмцевъ, находимъ слѣдующій рассказъ „*Der Liebste ohne Kopf*“¹⁾).

„Одинъ изъ владѣтелей замка имѣлъ возлюбленную и, когда онъ умеръ, она горько оплакивала его. И вотъ однажды ночью онъ явился къ ней на бѣломъ конѣ, какъ конь, такъ и всадникъ были безъ головы. Дѣвушка отпавилась съ мертвецомъ, онъ ѣхалъ, она шла. Проѣхавъ нѣкоторое пространство, онъ спрашиваетъ ее: „Lubka, njej' śi třach?—Милая, не страшно ли тебѣ?“ Спросивъ ее такъ во второй и въ третій разъ, онъ сказалъ: „лошадь идетъ быстро, мѣсяцъ свѣтитъ ясно, милая, не страшно ли тебѣ?“ Въ отвѣтъ на это она говоритъ: „чего-же мнѣ бояться, если ты, мой милый, со мною?“

¹⁾ W. v. Schulenburg, *Vendische Volkssagen u. Gebräuche aus dem Spreewald*. . Leipzig. 1880; стр. 137.

Послѣ этого мертвецъ, прощаясь съ дѣвушкой, взялъ ее за руку и рука ея въ томъ мѣстѣ почернѣла“.

Въ примѣчаніи къ этой сказкѣ Шуленбургъ говорить, что еще лѣтъ сорокъ тому назадъ шпильманъ пѣлъ нѣкоторыя строфы изъ этого разсказа, какъ разъ тѣ, которыми воспользовался Бюргеръ для своей Леноры; вся же старая пѣснь, повидимому, забыта въ народѣ.

По другимъ лужицко-сербскимъ вариантамъ повѣствованіе передается иначе. Такъ въ разсказѣ „*Der liebste als Todter*“¹⁾ ходъ дѣйствія таковъ:

„Одна дѣвушка имѣла своего возлюбленнаго. Онъ былъ солдатъ и когда онъ умеръ, она горько оплакивала его. Тогда онъ трижды по ночамъ приходилъ къ ней, приглашая ее съ собою. Когда онъ въ третій разъ пришелъ къ ней, она посадила его за столъ и начала угощать, но онъ не ѣлъ, а только крошилъ подъ столомъ предложенное ему угощеніе. Послѣ этого они отправились въ путь, а мѣсяцъ ярко свѣтилъ. Мертвецъ привелъ дѣвушку на кладбище, тамъ была раскрытая могила, въ которую онъ хотѣлъ втянуть съ собою и дѣвушку, но она бросилась бѣжать и скрылась на церковной паперти, куда мертвецъ не могъ проникнуть“. По другимъ версіямъ дѣвушка уѣзжаетъ на конѣ со своимъ возлюбленнымъ, спасается въ избушкѣ, гдѣ лежалъ другой мертвецъ, а гнавшійся за нею ея женихъ говоритъ: „я добылъ бы тебя, если бы тамъ не было мертвеца“. На слѣдующее утро оказывается, что дѣвушка очутилась за много миль отъ дому.

Въ Чехіи также распространенъ нашъ разсказъ, при чемъ передается въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Одна изъ нихъ записана Эрбеномъ „*Ženich—umrlec*“²⁾ въ слѣдующемъ видѣ: „Послушайте, дѣвицы и юноши, что случилось въ городѣ Каменцѣ. Былъ тамъ кожевникъ и имѣлъ сына. Юноша этотъ влюбился въ мельникову дочь, но мать дѣвушки была противъ брака и говорила: „лучше я тебя утоплю, чѣмъ отдамъ за него“. Тогда юноша рѣшился идти въ свѣтъ и взялъ съ дѣвушки слово, что она

¹⁾ Schulenburg, Op. cit. стр. 138.

²⁾ K. J. Erben, Prostonarodni české písně a říkadla. 1864. стр. 471.

будеть ждать его цѣлый годъ и одинъ день. Между тѣмъ мать дѣвушки послала молодому человѣку письмо, въ которомъ сообщала, что дочь свою она уже выдала за мужъ. Узнавъ объ этомъ, юноша расхворался и на третій день умеръ. Не дождавшись своего милаго, дѣвушка вышла на открытое мѣсто и начала заклинать его. Мать совѣтуетъ дочери идти въ домъ и молиться, но дѣвушка отвергаетъ это, говоря, что молитва напрасна. И вотъ прежде чѣмъ взошли звѣзды, передъ домомъ раздался лошадиный топотъ и голосъ: „я пріѣхалъ за тобою и такъ спѣши, моя милая, у меня нѣтъ времени ждать, мой быстрый конь подобно стрѣлѣ пронесетъ насъ за сто миль до утра“. Когда они выѣхали изъ города за ворота, тамъ ждали ихъ свадебные гости; а когда пріѣхали къ кладбищу, (женихъ закричалъ): „раскрывайте ворота гробовыя, я везу невѣсту и свадьба готова“. Черныя двери тотчасъ же раскрылись, и милый съ милой исчезли въ могилѣ. Если при жизни они не могли принадлежать другъ другу, то послѣ смерти спать неразлучно“.

Другая чешская редакція сообщена К р о л ь м у с о м ь ¹⁾ подъ заглавіемъ „Umrlec se stal tanečnjkem na Kauřimsku při strogenj šediwku“.

„Разъ сошлись на посидѣлки молодые дѣвушки и парни. Покончивъ прядево, они устроили угощеніе, пѣсни и танцы. Каждая изъ дѣвушекъ имѣла своего парня, съ которымъ танцевала, только у одной не было пары и она сказала: „ахъ, если бы мнѣ имѣть танцора, пусть бы онъ былъ даже мертвецъ“. И вотъ въ слѣдъ за этимъ въ помѣщеніе, гдѣ веселилась молодежь, вошелъ черноволосый человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ и угасшими очами, высохшій, какъ скелетъ. Онъ подошелъ къ дѣвушкамъ, взялъ ее и танцевалъ съ ней все время. Когда забавы кончились, онъ вызвался провожать дѣвушку домой, и они отправились вмѣстѣ. Měsječek swjtíl, mrtví z hrobu gdou, má milá, bogjšli se? спрашиваетъ дѣвушку ея спутникъ. „Чего-же мнѣ бояться, если я иду съ вами“, отвѣчала дѣвушка. Тутъ они подошли ко кладбищу и мертвецъ повторилъ свой вопросъ и получилъ тотъ

¹⁾ W. S. Sumlork (Krolmus), Staročeské powěsti, zpěwy Praha, 1845, стр. 608.

же отвѣтъ. „Пойдешь ли со мной на кладбище“, спрашиваетъ онъ далѣе дѣвушку. „Отчего же и не пойти“, только пользайте первымъ черезъ заборъ, чтобы пересадить меня на ту сторону“. Тутъ дѣвушка бросилась бѣжать и спряталась въ какой то избушкѣ за печкою, въ избѣ этой лежалъ покойникъ. И вотъ раздастся стукъ въ окно и слышится гнусливый голосъ: „мертвецъ, встань, подай мнѣ ту живую съ печи!“ Покойникъ спустилъ лѣвую руку и тутъ послышался во второй разъ уже сильнѣе голосъ: „мертвецъ, подай мнѣ съ печи ту живую“. Такъ кричалъ съ кладбища мертвецъ, не могшій войти въ избу, такъ какъ дверь была заперта. Покойникъ спустилъ правую руку, а когда въ третій разъ раздалось еще болѣе грозное приказаніе, онъ, спустивъ обѣ ноги, всталъ изъ гроба, сѣлъ и дико озирался“. Въ этотъ моментъ зашѣлъ первый пѣтухъ, покойникъ опять повалился въ гробъ, а мертвецъ исчезъ. Напуганная дѣвушка была такимъ образомъ спасена, по поплатилась болѣзнью.

Послѣднюю чешскую редакцію близко напоминаетъ литовская сказка, сообщенная Шлейхеромъ, „*Vom Mädchen und ihrem Freier* ¹⁾).

Моравскій рассказъ сообщенъ Сушиломъ ²⁾ подъ заглавіемъ „*Umrlec*“ и передается въ слѣдующемъ видѣ:

„Янко отправлялся на войну и приказывалъ своей возлюбленной не выходить замужъ, а ждать его два года. Прошло уже шесть лѣтъ, на седьмой дѣвушка прибѣгла къ колдовству, „такъ что земля трескалась“. И вотъ возвращается Яношекъ съ войны, ѣдетъ къ своей милой и стучитъ въ окошечко: „отерой мнѣ, моя Катенька!“ Дѣвушка тотчасъ же услышала голосъ милого и протянула ему лѣвую руку. Она спрашиваетъ, не приготовить ли ему ужинъ, не разбудить-ли служанку“. „Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ“, на то Богъ даетъ ночь, чтобы челядь спала, а ты проводи меня въ чистое полѣ къ небольшимъ черешнямъ. „Прищи мнѣ,

¹⁾ A. Schleicher, Litauische Märchen; Sprichworte., Weimar, 1857 стр. 34; другой литовскій вариантъ у A. Leskien u K. Brugmann, Litauische Volkslieder und Märchen. Strassburg. 1882 стр. 497.

²⁾ F. Sušil, Moravské národní písně. V Brně, 1860, стр. III, N. 112.

моя милая, въ головѣ (Pohled mně mila do hlavy), у меня голова что то болитъ“. „Отчего же болитъ твоя голова, мой дорогой Яношекъ?“. „Какъ же ей не болѣть, если она шесть лѣтъ гни-ла въ землѣ, а на седьмой должна была встать: ты такъ страшно меня колдовала, что трескалась даже земля“. Тогда дѣвушка бросилась бѣжать домой и рассказала матери, что Янео убитъ и лежитъ погребеннымъ подъ черешней“. Мать даетъ дочери деньги, съ тѣмъ чтобы она заказала отслужить за него обѣдню; когда священникъ доканчивалъ обѣдню, пришелъ Янео поблагодарить ее: „благодарю тебя, моя милая, что ты освободила меня изъ ада“.

Сюжетъ нашъ извѣстенъ также и среди *словинцевъ*; въ окрестностяхъ Вараждина была записана сказка „Cuga jave z mrtve-som“¹⁾, напоминающая собою нѣмецкій вариантъ изъ Венгріи.

На ту же тему существуетъ также и пѣсня *словинская*, которую слышалъ въ Крайнѣ Вальявецъ, сообщающій ее²⁾:

„Дѣвушка составляетъ букетъ изъ розъ, розмариновъ и фіалокъ, свиваетъ его черной ниткой и поливаетъ слезами, вспоминая объ отсутствующемъ своемъ другѣ, Анзелѣ: живъ ли, мертвъ ли, пустьбы пришелъ взять этотъ букетъ. Около полуночи стучитъ Анзель въ окошечко: „мертвъ ли, живъ ли, я прихожу за моимъ букетомъ“. Дѣвушка открываетъ окно, обнимаетъ своего милаго и, наскоро собравшись, садится въ нему на лошадь, и они ѣдутъ. И вотъ когда они были уже далеко, онъ спрашиваетъ дѣвушку среди широкаго поля: „мѣсяцъ свѣтитъ, мертвецъ ѣдетъ, не страшно ли тебѣ?“

Еще два раза спрашиваетъ Анзель свою спутницу, не страшно ли ей? Наконецъ они достигаютъ кладбища, могила вскрывается и Анзель ложится въ нее. Дѣвушка падаетъ на черную могилу и тутъ испускаетъ духъ“.

Вариантъ нашего сюжета, распространенный въ *Галицію* и попавшій въ печать уже въ началѣ нашего столѣтія, но не

¹⁾ M. L. Valjavec, Narodne pripovjedke skupio u i oko Vараzdina, 1858, стр. 239.

²⁾ Ibid. стр. IV (Predgovor).

обратившій вниманія изслѣдователей, сообщенъ Ляхъ-Ширмой¹⁾ въ слѣдующемъ видѣ:

„Въ одномъ помѣстьи, неизвѣстно гдѣ, жило двое возлюбленныхъ. Молодой человѣкъ отправился на войну, но передъ тѣмъ онъ поклялся въ вѣрности своей малой, а она ему взаимно. Между тѣмъ походъ кончился, всѣ возвратились съ войны, только его не было: неизвѣстно, палъ ли онъ въ битвѣ гдѣ либо, или же попалъ въ неволю. Между боязнью и надеждой поджидаетъ его возлюбленная въ тоскѣ и съ неизмѣннымъ постоянствомъ. Нѣсколько молодыхъ людей домогались ея руки, мать и родные желали этого, но напрасно: помня первую любовь и клятву, она всѣмъ отказывала. Минуло четыре года, а о судьбѣ возлюбленного не получалось ни малѣйшаго извѣстія. Съ теченіемъ времени тоска дѣвушки все усиливалась, съ каждымъ днемъ она все болѣе погружалась въ печаль: ночи проводить безъ сна, а если уснетъ иногда, тяжкій сонъ тревожитъ ее.

Вслѣдствіе этого она очень исхудала и силы ея упали. Совѣты матери не имѣютъ успѣха, утѣшенія пріятельницъ не приносятъ облегченія. Своего возлюбленного она подозрѣваетъ въ измѣнѣ и это еще болѣе повергаетъ ее въ отчаяніе. Дни и ночи проводить она въ сѣтованіяхъ. Однажды вечеромъ по обыкновенію сидѣла она у окна, опершись на руку, обливалась слезами и жаловалась на невѣрность возлюбленного. Въ такомъ положеніи просидѣла она до глубокой ночи, и вотъ при свѣтѣ луны она видитъ, какъ кто-то подѣзжаетъ на лошади и останавливается предъ ея окнами, въ ѣздокѣ она узнаетъ своего малюга и привѣтствуетъ его. Онъ говоритъ, что пріѣхалъ за нею и проситъ немедленно сѣсть съ нимъ на коня. Дѣвушка наскоро собираетъ свои вещи и драгоценности и исполняетъ желаніе возлюбленного. Сѣвъ на лошадь и проѣхавъ нѣкоторое пространство, дѣвушка спрашиваетъ своего спутника: „много-ли

¹⁾ Pamiętnik Naukowy, służący za ciąg dalszy ćwiczeń naukowych; oddział literatury. Warszawa, 1819, I, стр. 358—366.

ми проѣхали и далеко ли намъ еще до дома? „Мы сдѣлали уже полдороги, отвѣчаетъ онъ, проѣхали сто миль, а сто еще остается“. Отвѣтъ этотъ удивилъ дѣвушку, прибавилъ въ ея сердцѣ тревоги, но она молчитъ, не смѣя спрашивать его далѣе. Наконецъ пріѣзжаютъ они въ деревню, гдѣ была церковь. Возлюбленный везетъ дѣвушку прямо на кладбище возлѣ церкви. Пріѣхавъ туда, она въ тревогѣ вторично спрашиваетъ его о домѣ. „Мы именно предъ нимъ стоимъ теперь“, отвѣчаетъ онъ и въ это мгновеніе конь, на которомъ они ѣхали, пронападаетъ, гробъ открывается. Тутъ только дѣвушка догадывается, что ея возлюбленный мертвецъ, въ испугѣ она бросается бѣжать съ кладбища, а онъ за нею. Не зная, гдѣ скрыться, она замѣчаетъ слабый огонекъ въ ближайшемъ домикѣ, вбѣгаетъ туда и закрываетъ на задвижку дверь. Но тутъ новый ужасъ: она видитъ, въ гробу лежитъ трупъ, предъ нимъ горитъ лампадка, — на свѣтъ ея она и бѣжала, ища спасенія. Въ страхѣ, не зная, что дѣлать, она спряталась за печь. Мертвый женихъ, прибѣжавъ къ домику и найдя дверь закрытой, началъ стучать и три раза закричалъ, обращаясь къ трупу: „братъ, братъ, братъ, открой мнѣ.“ Трупъ поднимается, встаетъ изъ гроба и открываетъ дверь. Въ тотъ самый моментъ, когда мертвецъ хочетъ войти въ домикъ, ударяетъ двѣнадцать часовъ, и поетъ пѣтухъ. Оба трупа падаютъ, одинъ по одну сторону, другой по другую сторону порога и такъ остаются всю ночь. Утромъ для погребенія умершаго приходитъ священникъ и множество крестьянъ. Каково-же было ихъ удивленіе, когда вмѣсто одного они нашли два трупа, а еще болѣе были они поражены, найдя въ домикѣ блѣдную и дрожащую дѣвушку, лишь тогда только осмѣлившуюся выйти изъ-за печи и показаться людямъ. Дѣвушка начала говорить, но никто не понималъ ея рѣчи, — она была изъ чужой земли; съ трудомъ только удалось ей объяснить, какъ все это случилось, и ея положеніе возбудило всеобщее состраданіе. Здоровье дѣвушки было такъ подорвано пережитымъ страхомъ, что не смотря на заботливый уходъ со стороны священника и другихъ лицъ, она чрезъ нѣсколько дней умерла.

Кромѣ приведеннаго разсказа, записаннаго возлѣ Ярославля Перемышльской земли, извѣстна еще *галицкая пѣсня* ¹⁾ и *малорусскій разсказъ „Мертвый любовникъ“* ²⁾.

Такой малорусскій разсказъ послужилъ матеріаломъ для г-жи Л. Старицкой, помѣстившей въ „*Кіевской Старинѣ*“ ³⁾ свою литературную обработку его подъ заглавіемъ „*Живая могила*“.

Таимъ образомъ мы сдѣлали полный обзоръ варіантовъ поэтическаго сюжета о женихѣ-мертвецѣ. Обработка его то въ формѣ пѣсни, то въ видѣ сказки оказалась распространенной главнымъ образомъ въ поэзіи германскихъ и славянскихъ народовъ, при чемъ господствующій типъ разсказа разработанъ по слѣдующей схемѣ: а) женихъ или возлюбленный умираетъ; б) невеста горько оплакиваетъ его; в) слезы заставляютъ мертвеца встать изъ гроба; г) послѣ свиданія и соединенной съ нимъ ночной поѣздки невеста въ скоромъ времени умираетъ.

Отклоненія отъ такого типа въ устной поэзіи разныхъ народовъ, очевидно, не избѣжны при широкомъ распространеніи сюжета, но общія основа разсказа во всѣхъ варіантахъ сохранена настолько, что не представляется никакой возможности сомнѣваться въ единствѣ первоисточника для всѣхъ разсмотрѣнныхъ варіантовъ сказанія о женихѣ-мертвецѣ. Всѣ они развиваются не только по одной схемѣ, но совпадаютъ даже частностями, какъ это наблюдается напр на поѣздкѣ мертвеца со своей невестой и разговорѣ его со своей спутницей при лунномъ свѣтѣ, разговорѣ, сохранившемъ во многихъ изводахъ разсказа стихотворную форму. Последнее обстоятельство можетъ служить основаніемъ для предположенія, что въ свое время весь сюжетъ нашъ былъ

¹⁾ Я. Головацкій, Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. 1878, I, стр. 83, N. 40.

²⁾ М. Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и разсказы. Кіевъ, 1876, стр. 392.

³⁾ Л. Старицкая, Живая могила. (Малорусская легенда). Кіевская Старина, Октябрь 1889, стр. 70—102.

облеченъ въ стихотворную форму, слѣдовательно былъ подвергнутъ нѣкотораго рода литературной обработкѣ, придавшей ему устойчивость, законченность и обезпечившей ему успѣшное распространение отъ народа къ народу, изъ страны въ страну. Выше было указано, что еще полстолѣтія тому назадъ сюжетъ нашъ служилъ темой для пѣсни странствующаго шпильмана; весьма возможно, что и первоначальную литературную разработку мотивъ о женихѣ-мертвецѣ нашелъ въ средѣ германскихъ странствующихъ поѣтовъ, игравшихъ, какъ извѣстно, видную роль въ исторіи средневѣковой поэзіи. За такое германское происхождение литературнаго первотипа нашего разсказа говоритъ огромная популярность его у всѣхъ народовъ германскаго происхожденія, наличность основъ его въ средневѣковой германской поэзіи и литературѣ и выдержанность общей схемы въ германскихъ изводахъ, тогда какъ славянскіе, разложившись въполнѣ въ сказку, приносятъ новыя черты, надѣлая напр. мертваго жениха характеромъ вампира, всегда враждебнаго людямъ.

Что касается возможнаго литературнаго первотипа для занимающихъ насъ народныхъ разсказовъ, то я не считаю необходимымъ непременно усматривать его въ скандинавской сагѣ про Гельги и Сигруну, точно также какъ для этой послѣдней искать идеи въ классическомъ преданіи о Протезилаѣ. Всѣ эти произведенія могли возникнуть независимо другъ отъ друга на почвѣ общаго вѣрованія въ возможность возвращенія мертвыхъ, а такое воззрѣніе, какъ мы видѣли, повсюду существовало и нашло свое выраженіе во мпожествѣ другихъ поэтическихъ произведеній.

Поэтому я полагаю, что произведенія эти, заимствуя изъ жизни одинаковыя представленія о смерти, о мертвецахъ, развили каждое по своему идею, общую имъ всѣмъ, но выразившуюся въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ оригинально и независимо. Подтвержденіе этой своей мысли я нахожу еще и въ томъ обстоятельстве, что изъ того-же матеріала въполнѣ независимо развились подобныя же произведенія въ поэзіи южно-славянской и ново-греческой, которыя мы рассмотримъ въ другой разъ.